

МАСТЕРА УЖАСОВ

18+

РИЧАРД ЛАЙМОН
ЛУНА-ПАРК

Ричард Лаймон

Луна-парк

Серия «Мастера ужасов»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33398336
Ричард Лаймон Луна-парк:
ISBN 978-5-17-107528-6

Аннотация

Курортный городок Болета-Бэй славен своими пляжами и большим парком аттракционов Фанленд на берегу океана. Но достопримечательности привлекают не только отдыхающих, но и множество бездомных, получивших прозвище тролли. Зачастую агрессивные и откровенно безумные, они пугают местных жителей, в Болета-Бэй все чаще пропадают люди, и о городе ходят самые неприятные слухи, не всегда далекие от истины. Припугнуть бродяг решает банда подростков, у которых к троллям свои счеты. В дело вмешивается полиция, но в Фанленде все не то, чем кажется. За яркими красками и ослепляющим светом таится нечто гораздо страшнее любой комнаты страха, и ночью парк аттракционов становится настоящим лабиринтом ужасов, откуда далеко не все выберутся живыми.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

1	6
2	15
3	29
4	44
5	53
6	62
7	78
8	97
9	109
10	122
11	138
12	147
13	162
Конец ознакомительного фрагмента.	172

Ричард Лаймон

Луна-парк

Richard Laymon
FUNLAND

Печатается с разрешения наследников автора и литературных агентств Lennart Sane Agency AB и Prava I Prevodi International Literary Agency.

Серия «Мастера ужасов»

Стихи Робин в переводе Амета Кемалидинова

© 1989 by Richard Laymon

© Николай Гусев, перевод, 2018

© Татьяна Веряйская, иллюстрация, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

*Эта книга посвящается
Энн Лаймон и Келли Энн Лаймон,
моим жене и дочери,
моим верным спутницам,
моим лучшим подругам... с любовью*

Примечание автора

«Троллинговая охота» – реальная практика, проводящаяся в некоторых районах Калифорнии. *Боледа-Бэй* и *Фанленд* – вымышленные места. Все персонажи и события этой истории – плод фантазии автора.

1

Он вышел из тени закрытого пассажа и поплелся к Тане. Напоминал тварь из фильмов про зомби, только что выбравшуюся из могилы. Бледное лицо, озаренное лунным светом, глаза, похожие скорее на дыры, голова склонена набок, загребает ногами, а изодранная одежда полощется и хлопает на ветру.

Таня остановилась. Сложила руки на груди. Ей было тепло в тренировочном костюме, несмотря на промозглый ветер с океана, но теперь она чувствовала, как по коже бегут мурашки. Лоб будто ремнем стянуло. Волоски на руках и затылке поднялись дыбом.

Человек приближался.

Таня понимала, что никакой это не зомби.

Зомби не реальны. Зомби не могут вот так ковылять к вам. Зомби не существуют.

Это тролль.

Один из этих полоумных бродяг, этих паразитов, что бросаются на любого, кого занесло ночью на пляж или променада. Слишком много развелось их в последнее время. Грязное, ободранное отребье.

Тролль, находившийся уже в нескольких шагах от Тани, протянул к ней руку.

Она отпрянула и торопливо оглянулась, внезапно поду-

мав, что его собратья могут подкрадываться к ней сзади. Но больше никого не увидела.

Тем не менее она знала, что они наблюдают. Тролли. Двое, трое, может, дюжина. Притаились в тени аттракционов и игровых стендов, в каждом темном уголке, следят снизу сквозь щели в дощатом настиле. Следят, а сами остаются невидимыми.

– Будет пара монет, дорогуша?

Она снова повернулась к троллю.

Теперь ей были видны его глаза. В лунном свете они влажно поблескивали и слезились. Зубы щерились в притворной, заискивающей ухмылке. Многих доставало. Даже сильный ветер не мог развеять исходящий от него кислый душок.

– Да, – сказала Таня, – конечно.

Она передвинула набедренную сумочку на живот, растянула и достала кошелек.

– А баксом не разживешься, сердешная? – Опустив голову, он поскреб подбородок. – Я уж столько дней не ел...

– Я посмотрю, что найдется, – сказала она и открыла кошелек.

– Что ты здесь делаешь? – спросил он. – Будто не понимаешь, что тут небезопасно. Тут много бродит нашего брата.

– Я в курсе, – ответила Таня.

– А ты такая славная да пригожая. Нам такие по душе.

Вместо монет Таня извлекла из кошелька белую карточку. Подавшись вперед, она положила ее на протянутую ладонь

тролля.

– Шо? – Он хмуро посмотрел на нее.

– Читать умеешь?

– Шо за нах?

– Там тебе послание.

Он разорвал карточку и бросил на землю. Ветер подхватил и разметал обрывки.

– Мне баксы нужны! – Он потряс перед ней протянутой рукой. – Гони четверик!

Таня передвинула сумочку назад, ощущая спиной ее вес.

– К твоему сведению, неграмотный выродок, на карточке написано: «Дорогой тролль, привет тебе от Огромного Козла Графа»¹.

– Шо за НАХ?!

Таня набросилась на него. Он с визгом отскочил. Она поймала его за заскорузлый от грязи ворот пальто и сделала подсечку, одновременно толкнув назад. Он грохнулся спиной на дощатый настил променада. Подняв ногу, Таня вогнала ее в живот противника, отчего у тролля перехватило дыхание. Он перекатился на бок, свернулся калачиком и захрипел.

Таня пошарила за пазухой, вытащила свисток на шнурке и, отвернувшись от скорчившегося тролля, коротко свистнула.

Билетная будка оказалась дальше, чем Таня рассчитыва-

¹ В оригинале «Great Big Billy Goat Gruff», название взято из норвежской народной сказки «Три козлика и тролль». (Здесь и далее прим. переводчика.)

ла.

Как бы эта ошибка дорого ей не стоила.

Но нет.

Они выскочили из своего укрытия за будкой и бросились к ней: Нейт, Самсон, Рэнди, Светлячок, Ковбой, Карен, Хизер и Лиз.

Команда.

Троллеры Тани.

Глядя на них, она испытала прилив гордости. Улыбаясь, взметнула кулак над головой. Остальные вскинули кулаки в ответ. Кто-то, должно быть Ковбой, издал боевой клич.

Таня повернулась к троллю. Тот корчился на досках, пытаясь уползти. Она подбежала к нему и ногой припечатала его лодыжку к дощатому настилу. Вскрикнув, тролль обмяк. Прижимая его вывернутую ногу, Таня стояла и ждала. Сначала ей были слышны только свист ветра и далекий тяжелый рокот набегающих на берег волн, но потом она услышала топот приближающейся команды.

В считанные секунды они с троллем были окружены.

Нейт шлепнул ее по заднице:

– Ну как все прошло?

– Не беспокойся.

Всем скопом они накинулись на тролля.

– Не трожьте меня! – запричитал тот. – Пустите!

А потом только охал, мычал и визжал под градом ударов. Обернувшись, Таня оглядела променад. Поблизости не

было ни души. Если другие тролли и наблюдали за ними (на что она весьма надеялась), то они явно не рвались спасать этого доходягу.

– Нет! Прошу!

Таня снова посмотрела на тролля. Карен вцепилась в одну штанину его мешковатых брюк, Хизер – в другую. Одним рывком они стащили с него штаны, оголив тощие бледные ноги.

– Ой-е-е-е-е, – протянул Ковбой, – да у него эта штука прям как у мула.

– А тебе никак завидно, – подколола Лиз.

– Иди в жопу, сучка.

– Заткнитесь оба, – сказал Нейт, – пойдем поднимем его.

Тролля, уже раздетого донага, ухватили за запястья и щиколотки и подняли с настила. Он брыкался и извивался. Он ревел.

– Пусти-ите меня! – орал он. – Ну отпусти-ите!

Таня разложила его пальто и, задержав дыхание, кинула сверху одежду и обувь. Сырые рубашка и брюки где-то были скользкими, а где-то заскорузли. Таню чуть не стошнило, но она заставила себя завернуть все барахло в пальто. Потом подняла получившийся тюк и, держа подальше от себя, последовала за остальными, которые уже волокли измученного тролля к фонарному столбу.

Фонарь, как и все фонари Фанленда, отключался через час после закрытия.

Ковбой сдернул с плеча моток веревки, взялся за один конец и метнул ее вверх. Разматываясь в воздухе, веревка захлестнула перекладину столба и повисла с петлей на конце. Ковбой схватил ее.

– Нет! – молил тролль, пока Ковбой продевал его голову в петлю. – Пожалста! Пожалста! Я ж ничо не сделал!

– Он же ничего не сделал! – передразнила Лиз.

– Давайте вздернем его, – сказал Самсон.

– Подвесим повыше, – добавила Карен.

– Нет! – заверещал тролль, мотая головой, но Ковбой уже затащил петлю.

– Пожалуй, пора тебе размять шею, – произнес он, склонившись над попрошайкой. – Хочу поглядеть, как ты сплэшешь воздушную джигу.

– Давайте не тянуть время, к делу, – велела Таня, отбросила сверток одежды и ухватила за свободный конец веревки. Натягивая ее, она попятилась. Тролль завизжал. Все отпустили его. Таня заметила, как по ногам бездомного полилась моча. Зашатавшись, он плюхнулся задом на доски и засучил ногами, пытаясь подобрать их под себя. Внезапно он рванул веревку, отчего та ожгла Тане ладони. К ней на помощь тут же подоспели Самсон, Хизер и Ковбой.

– Ладно, порядок, – сказал Нейт.

Они перестали тянуть.

– Держите, – сказала Таня и отошла, оставив остальных удерживать натянутую веревку.

Голый тролль пританцовывал на цыпочках, вцепившись руками в петлю на горле.

Таня спросила его:

– Сдохнуть хочешь?

Он уже не то что рыдал – ревел в голос. Длинная сопля болталась у самого подбородка.

– Ты омерзителен, – отчеканила Таня. – Отброс. Вонючая куча экскрементов.

– Что в переводе означает «говно», – уточнила Лиз.

– Мы не хотим, чтобы ты и тебе подобные ошивались среди нас. Чтобы духу твоего здесь не было. Нас тошнит от вас. Ты это понимаешь?

Он смотрел на нее, словно перепуганный до смерти ребенок.

– Вздернуть его! – гаркнула Таня.

Тролль начал подниматься. Он царапал петлю и дрыгал ногами, словно хотел убежать прямо по воздуху.

– Достаточно, – сказал Нейт.

Тролль рухнул. Ударившись пятками о настил, он приземлился на задницу, и его колени подогнулись, причем одно из них угодило ему в челюсть, отбросив голову назад. Хныча, он распластался на променаде и содрал с шеи петлю.

Нейт вырвал веревку из его рук.

Обмотав петлю вокруг правой лодыжки тролля, туго затянул ее.

– Тяните, – скомандовал Нейт.

Правая нога тролля задралась.

За ней поднялось и тело.

Когда его голова была примерно в ярде от настила, Ковбой обмотал свободный конец веревки вокруг подножия столба.

– Завис конкретно, – прокомментировал он.

Они сгрудились перед троллем. Тот болтался из стороны в сторону, вращался, дрыгался, мотал головой и пытался ухватиться руками за доски. Левая нога бестолково сучила в воздухе.

– Че-то он даже похорошел, – заметил Ковбой.

– А был бы еще краше, – добавила Таня, – если бы петля все-таки была на шее. – Она присела и посмотрела троллю в глаза. – В следующий раз, выродок, мы тебя уроем! Понял?! Так что вали отсюда к чертям собачьим, как только сумеешь выбраться.

– Далеко-далеко, – добавил Нейт.

Хихикая, Хизер выскочила вперед и с силой толкнула ладонями тролля в бедра, раскачав его, словно ребенка на качелях.

Таня носочком туфли подкатила к нему тюк зловонной одежды. Достала из сумочки небольшой флакон жидкости для зажигалок, обрызгала пальто. Чиркнув спичкой, загорила пламя от ветра и поднесла к пропитанному жидкостью тряпью. Тюк тут же вспыхнул огненным шаром.

Пламя осветило заросшее, измазанное соплями лицо тролля и его раскачивающееся тело.

Таня пнула горящий тюк.

Тот отлетел и остановился прямо под троллем.

Троль с визгом обхватил голову и задержался, словно пытаясь сесть.

– Ты сдурела?! – взревел Нейт. Бросившись вперед, он пнул ботинком горящую кучу тряпья. Она рассыпалась, порыв ветра подхватил тлеющие лохмотья.

Троль вцепился Нейту в брюки. Нейт заехал ему по лицу коленом и отпрянул. Он повернулся к Тане:

– Совсем, что ли?..

– Мне показалось, что он продрог.

– О Господи! Ладно, народ, сматываемся.

Оставив тролля болтаться вниз головой на залитой лунным светом набережной, они ушли.

2

– О-о-о-о-о, какие ляжечки. М-м-м.

Дэйв обернулся, увидел, что «говорит» зеленый носок, натянутый на руку нищенки, и пошел дальше.

Если Джоан и слышала высказывание по поводу его ног, то не обратила внимания – как не обращала внимания на взгляды, возгласы, присвистывания и тому подобное на свой счет.

– Лакомые ноги. Откуда ж они? Наверняка из постели. Да. Приятны, точно девичьи сосцы, когда Енох надкусил сосиску.

– А она права, – сказала Джоан. – У тебя и впрямь прекрасные ноги.

Дэйв остановился и снова посмотрел на старуху. Та сидела на скамейке, закинув ногу на ногу. Бросив свирепый взгляд на прогуливающуюся мимо молодую парочку, она тут же отвернула от них свою обвислую бордовую физиономию и заговорила с носком. Парень и девушка прибавили шаг, отводя глаза.

Несмотря на жару, старуха куталась в одеяло, покрывавшее голову наподобие капюшона и спадавшее на плечи. Из-под одеяла виднелась цветастая футболка. Колени старухи прикрывала выцветшая юбка. На скамейке рядом с ней стояла желтая пластиковая тарелка с несколькими монетами.

– Иди, – сказала Джоан, – дай ей доллар. Она все-таки похвалила твои ноги.

– Что она там говорила про Еноха?

– Что за Енох?

– Понятия не имею. Он, вроде, надкусил какую-то сосиску...

– Да кто знает? И какая вообще разница? Она не в себе.

Дэйв подошел к старухе. Она посмотрела на него сквозь засаленные пряди седых волос, потом отвела взгляд. Зато кукла-носок повернулся к Дэйву:

– И-и-и-и-и, – протянул он. – Ноженьки медные. Одна здесь, другая там. Медные ноженьки, лосьон «Коппертон». Ноженьки мягкие, ноженьки пуховые.

– Что вы говорили про Еноха? – спросил Дэйв.

Смотревший на него носок от вопроса, казалось, вздрогнул. Даром что его широкий рот был всего-навсего ложбинкой между большим и остальными пальцами старухи. До чего жалкая кукла, подумал Дэйв. Даже глаз нету.

Рот носка захлопал:

– Любопытному копу отчекрыжили жопу...

– Он задал вам вопрос, леди, – перебила носок Джоан.

Носок вздрогнул.

– Господи, Дэйв.

Носок перевернулся, притворяясь мертвым.

– Что случилось с Енохом? – повторил вопрос Дэйв.

– Помер-помер-помер, – пропел носок. – Чур, молчок!

Где, ой, где тогда был этот прекрасный медный загар? Дома, в койке. Что и говорить. – Неожиданно носок метнулся к Дэйву, несколько раз цапнул его за ляжку и шмыгнул к промежности.

Охнув, Дэйв отпрянул. Носок ухватился было за край его шорт, но тут же разжал хватку.

– Черт возьми, дамочка! – рывкнул Дэйв.

Джоан согнулась пополам от хохота.

Дэйв поспешно ретировался, даже не оглянувшись на старуху.

Джоан последовала за ним.

– Она пыталась пощупать меня там.

– Хотела добраться до твоей пушки.

Дэйв чувствовал, как по спине ползут мурашки.

– Может, арестуем ее за нападение на полицейского?

– Смейся, смейся, напарница. Посмотрел бы я, как бы ты смеялась на моем месте. Боже! – Дэйв до сих пор ощущал на себе проклятый носок. Он принялся тереть бедро.

– Я к ним вообще стараюсь не подходить, – заметила Джоан. – Только чтобы надеть наручники. И то предпочла бы делать это в перчатках. И в противогазе. А еще лучше – в костюме химзащиты, если бы, конечно, смогла его раздобыть. Это уже даже не люди. Моя бы воля, я бы давно избавилась от них от всех.

– Затуси с троллерами.

– Если честно, между нами, девочками, я бы лучше была с

ними, чем против них. Не думаю, конечно, что мне выпадет такая возможность. Кстати, я собираюсь купить себе хот-дог. Будешь?

Дэйв взглянул на свои руки. Вроде не грязные. Но ведь он тер ими ногу. Там, где старуха дотрагивалась своим носком. Однако голод не тетка. Они патрулировали луна-парк с самого открытия. С десяти. А сейчас около трех.

– Возьми тогда и мне один, ладно? А я пока схожу отмоюсь.

– Обязательно с мылом. Эту троллюю слизь отмыть не так-то просто.

Оставив напарницу в очереди за хот-догами, Дэйв направился к ближайшей мужской уборной. В Фанленде были две туалетные зоны, по одной на каждом конце набережной. Эту он посещал уже в шестой раз.

Патрулируя парк, они частенько заглядывали и туда: Дэйв в мужскую уборную, Джоан – в женскую. «Раз дерьмо случается, – говаривала Джоан, – где ж искать его, как не в сортире?»

Там и впрямь частенько встречались бомжи, извращенцы, а то и торговцы «дурией». Впрочем, сегодня единственным возмутителем спокойствия был какой-то забулдыга, пробравшийся в дамский туалет. Когда Джоан выдворяла его оттуда, ее лицо побледнело так, словно с него сошел весь загар.

Дэйв вошел, готовый, как обычно, к любым сюрпризам, но не обнаружил никого, кроме стоявшего перед писсуаром

мальчонки лет девяти-десяти. Дверь одной из кабинок была закрыта. Дэйв подкрался, заглянул под нее и увидел лишь пару ног с джинсами на щиколотках. Поднявшись, он заметил, что мальчик у писсуара косится на него через плечо.

– Веселый денек выдался? – спросил Дэйв, подходя к раковине.

– Очень здорово стрелять из «Базуки».

Дэйв улыбнулся:

– Мне она тоже нравится. Эти теннисные мячики так и бабахают.

Он вытащил несколько бумажных полотенец из держателя, намочил и принялся оттирать ногу.

– А пистолет у вас настоящий? – спросил мальчик.

– «Смит-энд-Вессон» тридцать восьмого калибра.

– Вы полицейский?

– А что, не похож? Или я для тебя просто парень, который отмывается бумажными полотенцами?

Мальчик улыбнулся. Застегнув ширинку, он подошел к Дэйву.

– Видишь значок? – спросил Дэйв и показал мокрым пальцем на прикрепленную к рубашке синюю бляшку.

– Это ваша форма? Вы такую все время носите?

– Только когда жарко. А так мы выглядим как настоящие копы.

– Чудно.

Дэйв уже привык к подобным замечаниям. Его синее ке-

пи больше походило на бейсболку, только вместо логотипа Высшей Лиги на лбу была вышита звезда с золотыми буквами ПУББ: Полицейское управление Болета-Бэй. Такая же эмблема красовалась на белой рубашке. Шорты были в тон кепи, на ногах – синие кроссовки с белыми носками. Только черный кожаный пояс с пистолетом в кобуре, дубинка, рация и наручники выдавали в нем полицейского.

– Все равно круто смотрится, – признал мальчуган, умыв руки, вытащил бумажное полотенце и принялся вытирать их. – Я тоже хочу быть полицейским.

– Хорошая мечта. Может, когда-нибудь станем напарниками.

– Ну не знаю... Я же из Лос-Анджелеса и служить буду в полиции Лос-Анджелеса.

– Это замечательно, мистер.

Мальчонка просиял, бросил «ну ладно, пока» и был таков. Дэйв закончил оттирать ногу, сполоснул руки и улыбнулся, вспомнив, как Джоан посоветовала ему использовать мыло против «троллей слизи».

Но улыбка тут же угасла, едва в памяти всплыла старуха, и то, как она прикасалась к нему.

Вот всегда так: с ними по-человечески, а они...

Вечно Глория их защищает... Надо непременно познакомиться ее с этой ведьмой-кукловодом.

Они тоже люди, Дэйв.

Тогда зачем они так себя ведут?

«Отлично, – мелькнуло в голове у Дэйва, – я спорю с Глорией, а ее здесь даже нет».

Эх, ей бы хоть половину мозгов Джоан...

Мечтать не вредно.

Вытерев руки, он вышел на солнечный свет. Джоан сидела за круглым столиком у края променада, держа в руках хот-дог и небольшой стакан кока-колы. На столе рядом с ней лежали еще два хот-дога, пакетик с картофелем фри и большой стакан колы. Дэйв сел рядом.

– На убой меня кормишь? – спросил он.

– Нельзя же вечно сидеть на одном творожке и бобовых стручках.

– Видела бы ты, что она приготовила мне вчера.

– Аппетит мне хочешь испортить? – спросила Джоан. Она надорвала зубами пластиковый пакетик и выдавила горчицу в хот-дог.

Посмотрев на нее, Дэйв снял бумажную обертку с одного из хот-догов и надкусил его, чувствуя, как хрустит поджаристое кукурузное тесто. Кожица на сосиске лопнула, брызнув в рот горячим соком. Дэйв блаженно вздохнул.

– Вот это еда, – сказал он.

– Так какой же кулинарный изыск приготовила тебе вчера Глория?

– Какую-то ерунду в горшочке.

– Что?

– Овощи какие-то.

– Но ты хоть примерно понял, что это было? – Она с улыбкой откусила приличный кусок хот-дога, на верхней губе остался желтый след горчицы. Так она и жевала, с горчицей на губах.

– Более-менее, – сказал Дэйв. – По крайней мере основной состав: водяные каштаны, побеги бамбука, грибы, горох. И много-много соевого соуса.

– Ладно хоть грибы. Не так уж и плохо. – Она вытерла горчицу с губ. – А соевый соус очень даже ничего со стейком.

– Умоляю, не надо о стейках.

– Похоже, она пытается сделать из тебя мальчика-рикшу.

– Таким образом мой организм «очищается».

– А я ела во-о-от такенный гамбургер. – Джоан растопырила большой и указательный пальцы, показывая его объем. – Не возражаешь, если я полью картошку кетчупом?

– Я думал, ты купила ее для меня.

– Для нас. – Она вскрыла зубами пакетик, выдавила кетчуп на картошку и отправила в рот несколько ломтиков.

– А ведь все это скажется на твоих бедрах.

– Ага, это ведь у тебя прекрасные ноги, – бросила она и отправила в рот еще одну порцию картошки.

Спасибочки, напомнила, подумал Дэйв, и в памяти тут же возник образ скользящего по бедру носка.

– Думаешь, прошлой ночью троллеры снова нанесли удар? – спросила Джоан.

– Мне показалось, что та бабка пыталась на это намекнуть.

– Енох надкусил сосиску? Да уж, звучит зловеще. Узнаю подлую руку троллеров.

– Шутки в сторону, – сказал Дэйв. – Кто знает, что она имела в виду.

– Ну, обычно, когда говорят, что кто-то надкусил сосиску, это значит, что кто-то надкусил сосиску.

– Логично.

– Ладно, если серьезно, то лично я до сих пор не видела, чтобы они кого-то прикончили, а ты? – спросила Джоан. – Кошмарят бомжей, и все. До убийств им далеко.

– Не так уж и далеко. Посмотри только, как все происходит. Сначала они просто отлавливали бомжей и выгоняли из города, а со временем стали действовать жестче.

– Да и шуточки у них стали более жестокими, – признала Джоан.

– Все чаще доходит до побоев. Рано или поздно и до убийства дойдет. Если уже не дошло. Кто сказал, что они на это не способны? Учитывая, как эти бродяги появляются и исчезают, детишки вполне могут мочить их направо и налево. Никто и не заподозрит, пока тела не найдут.

– Не думаю, что дело зашло так далеко, – возразила Джоан, глядя в свой стакан с колой и помешивая ее соломинкой. – Несколько дней назад они подвесили того уродца на фонарном столбе. Сомневаюсь, что они пошли бы на это, если бы на самом деле убивали троллей и уничтожали тела. Мне кажется, им просто нравится мучить и унижать их.

– Тот парень вполне мог стать первой жертвой, а дальше убийства встали бы на поток.

– Детишки наверняка местные, – заметила Джоан. – Только им могут быть известны лазейки в парк, когда он закрыт. Они просто хотели напугать бомжа до усеру.

– Может, с этим Енохом они как раз и перестарались.

– А может, старая кликуша просто запудрила тебе мозги.

– Надо бы расспросить об этом кого-нибудь еще.

– О, блестящая идея, – сморщила нос Джоан. – Провести остаток дня, общаясь с бомжатиной.

– Многие из них наверняка знают того парня. Почему бы не задать им несколько вопросов?

– Только для этого нам потребуется переводчик. Знаешь кого-нибудь, кто умел бы говорить по-бомжацки?

По лицу Дэйва скользнула улыбка:

– Где твоя человечность, напарница?

– Приберегаю для человеков, кои изредка все же попадают. – Она взяла пакетик с картошкой фри. – Понимаешь, о чем я?

– Мне почти не попадались.

Она поднесла пакетик с картошкой к его носу:

– На, возьми хоть одну, здоровяк. Она к чертям вышибет из тебя проклятые ростки бамбука.

Когда с едой было покончено, Джоан собрала все обертки и картонные стаканчики и отнесла их в мусорное ведро. На ее ногах остались красные отметины от стула. Видимо, кар-

тошка фри все-таки добралась до ее бедер, подумал Дэйв, никакого вреда, уж конечно.

Впрочем, если поставить ее рядышком с Глорией, получится реклама той самой «отравы», которой Глория тщательно избегала (чем несказанно гордилась). Джоан была выше Глории примерно на фут, имела довольно объемистые формы и мускулатуру там, где у Глории были кожа да кости. Там, где Джоан была округлой, Глория была прямой, как доска. Кожа Джоан сияла здоровьем; кожа Глории была бледной и нездоровой. Джоан излучала силу и уверенность в себе; рядом с ней Глория казалась бледной немочью.

– Так и будешь ворон считать? – спросила Джоан.

– А, нет... Просто всякая дрянь в голову лезет.

Они снова отправились на обход.

Дэйву было паршиво. С тех пор как две недели назад они с Джоан стали работать в паре, настроение его с каждым днем становилось все хуже и хуже.

Разумеется, с Глорией хватает проблем. Но не факт, что Джоан так уж идеальна. У каждого свои недостатки. Чужой хлеб слаще калача. Но чужой хлеб быстрее приедается. Никакая Джоан не идеальная. Помогли Господь тому, кто с ней свяжется.

– Офицер?

С одного взгляда через плечо Дэйв понял, что улыбающиеся Джоан четверо парней – моряки. Формы на них не было, но короткие стрижки и юные лица говорили сами за себя.

Казалось, они сбежали с уроков и теперь не могут нарадоваться свободе.

– Чем могу служить, джентльмены? – спросила Джоан.

– Разрешите с вами сфотографироваться? Всего по одному снимку, а? С каждым из нас. Были бы очень признательны. Что скажете? Можно? Без дураков, всего четыре снимка. Мы прекрасно понимаем, вы на дежурстве, и все такое, но видите ли, нам скоро отплывать в Персидский залив и...

– Почему бы и нет? – перебила Джоан.

Дэйв не верил своим глазам.

Без тени раздражения или смущения она позволила предводителю встать рядом с собой. Он слегка прижался к ней, скорчив рожу пареньку с фотоаппаратом. Прежде чем тот успел сделать снимок, Джоан приобняла морячка. Паренек тут же зарделся, как рак. Как только снимок был сделан, он отошел, качая головой, и уселся на променаде.

– Господа, я умер и побывал в раю, – заявил он.

Следующий моряк был прыщавым толстячком. Джоан погладила его по голове, отчего он закатил глаза. Она обняла его и привлекла к себе. Тощий паренек щелкнул фотоаппаратом.

Третьим был ухмыляющийся чернокожий гигант. Когда он встал рядом с Джоан, ему, чтобы попасть в кадр, пришлось слегка наклониться.

Наконец самый первый матрос подошел к очкарику с фотоаппаратом и протянул руку за камерой:

– Генри, твой черед. Иди.

– О, пожалуй, не стоит. – Генри покачал головой и робко улыбнулся. – Боюсь, что дама уже подустала от нас.

– Ко-ко-ко, – стали поддразнивать его товарищи.

– Иди покажи, на что ты способен.

– Генри женщин боится.

– Не дразните его, ребята, – сказала Джоан и посмотрела на Генри: – Не бойся меня. Иди сюда.

Паренек побледнел, но все же подошел.

Его приятели засвистели, заулюлюкали.

Он встал рядом с Джоан. Ростом он был так мал, что головой едва доставал ей до плеча. Слегка наклонившись, Джоан коснулась пальцем его щеки. Он посмотрел на нее со смущением и восторгом, слегка повернулся и попытался чмокнуть ее в щеку. Она же изловчилась и поцеловала его прямо в губы. В тот же миг щелкнул фотоаппарат.

Приятели парня притихли.

Как только поцелуй закончился, Генри обнял Джоан, и они так и стояли, обнявшись. Дэйву было видно его лицо: очки сползли, сдвинутые щекой Джоан, глаза закрыты, губы поджаты. Генри кивнул, и Дэйв понял, что Джоан что-то шепчет ему на ухо. Внезапно лицо его расплылось в улыбке.

Он отошел от Джоан и вернулся к своим друзьям.

– Везучий же сукин сын, – пробормотал кто-то из них.

Чернокожий гигант похлопал его по плечу.

– Счастливого пути, ребята, – сказала Джоан и помахала

рукой на прощание.

Оживленно жестикулируя и толкаясь, парни пошли прочь. Только Генри молча поднял руку и грустно улыбнулся. Со стороны казалось, будто он прощается с лучшим другом.

Опустив голову, Джоан расстегнула кожаный чехол на поясе. Достала солнцезащитные очки, надела и повернулась к Дэйву:

- Славные ребята.
- Ты сделала их день.
- Ладно, пойдем. Мы должны следить за порядком.

Джерemi Уэйн мчался вниз по склону на своем десятискоростном велосипеде, улыбаясь ветру, треплющему его расстегнутую рубашку. Он испытывал непередаваемое чувство свободы и возбуждения.

Он направлялся к променаду Фанленда.

Вчера вечером он уже побывал там, после того как целый день распаковывал вещи, но тогда его сопровождала мама.

«Мы просто осмотримся», – сказала она ему. Что они и сделали. Быстренько прошлись по променаду, не играя в игры и не катаясь на аттракционах. «У тебя будет еще уйма времени для этого, потом», – сказала мама.

И теперь это «потом» наступило, решил Джерemi.

Свернув за угол, он оставил жилой район позади. Крутя педали, он мчался мимо мотелей, сувенирных магазинов, заправочных станций, торговых лавок, баров и продуктовых тележек. В машинах, похоже, сидели одни подростки, врубавшие магнитолы на полную мощность. Почти все прохожие были в купальных костюмах.

Все это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Он был счастлив покинуть Бейкерсфилд. До чего отстойная дыра... Ему казалось, что везде будет лучше, чем там. Но здесь!

Да это просто райский уголок!

И он будет здесь жить, всего в нескольких милях от Фанленда и пляжа.

Еще не подошел к концу июнь, впереди целое лето, долгие дни безделья. Гуляй себе по променаду, валяйся на пляже, да на девчонок глазей.

Потрясающе.

Он подкатил к просторной парковке, остановился, обвел взглядом территорию Фанленда. Первыми в глаза бросились ворота с ухмыляющимся лицом клоуна, увенчивающим арку. Джереми знал, что за стенами парка его ждут всевозможные магазинчики, закусочные, аттракционы, комнаты смеха, игровые аркады и прочие развлечения. По всей протяженности променада тянулись высоченные изогнутые рельсы американских горок, вышка для прыжков с парашютом, обзорные площадки, колесо обозрения...

«Ты не находишь все это немного аляповатым?» – спросила его вчера вечером мама.

«А по-моему, шикарно», – ответил он тогда.

Он понимал, что это вовсе не Диснейленд, не Ягодная ферма Нотта и даже не Волшебная гора. Ему случалось отдышать в лучших луна-парках страны, и Фанленд в Болета-Бэй по сравнению с ними был маленьким. Маленьким, примитивным и в самом деле слегка аляповатым.

Зато – его.

А главное – он был куда более захватывающим, неповторимым. Он не выглядел старомодным, предсказуемым и без-

опасным.

Вчера вечером, прогуливаясь по парку, Джереми испытывал странное теснение в груди и жар в паху.

Здесь могло произойти все что угодно.

То же самое Джереми ощутил и сейчас, слезая с велосипеда. Он пристегнул его к специальной стойке за багажник и направился к главным воротам парка.

Поднялся по бетонной лестнице.

Вошел внутрь.

Вот вам и еще одно преимущество: не нужно выкладывать двадцать с лишним баксов только за вход. За аттракционы, понятное дело, платить придется, но вход совершенно свободный.

Он мог ходить сюда каждый день, когда вздумается.

В кошельке у Джереми лежали тридцать долларов, но он прошел мимо первой билетной будки, решив для начала просто прогуляться. Он уже знал, что кассы расставлены вдоль всего променада на расстоянии вытянутой руки друг от друга. Так что он сможет прокатиться на любом аттракционе, как только захочет.

Он похлопал себя по карману, ощущая приятную выпуклость бумажника, и застегнул его на кнопку.

В таких местах осторожность не будет лишней. Он еще с прошлого вечера понял, что здесь ошивается уйма подозрительных личностей.

Он зашагал вдоль променада; подозрительные личности

не заставили себя ждать. Вот тощий неопрятный парень в соломенной ковбойской шляпе, выглядящей так, будто ее истоптала лошадь. С уголка рта свисает коричневая сигаретка, а сам порос щетиной, будто три-четыре дня не брился. Затем Джереми увидел толстого бородатого байкера в обвислых джинсах и куртке с обрезанными рукавами на голое тело. Его грудь украшал вытатуированный череп, из глазницы которого выползала змея. Байкера сопровождала худошавая женщина с невыразительным лицом, одетая в джинсы и кожаную жилетку, отороченную бахромой. Спереди жилетка была расстегнута, демонстрируя полное отсутствие лифчика. Заметив сквозь шнуровку краешек ее груди, Джереми неловко отвел взгляд. Ему не хотелось, чтобы она заметила, как он подглядывает, но то, что он успел разглядеть, его все равно впечатлило.

В Диснейленде такую публику точно не встретишь.

Попадались здесь и приличные люди, и даже семьи, но в основном он видел придурковатого вида толстяков в обвисших джинсах и грязных рубашках; крутых парней, покрытых татуировками, с прилипшими к лицам недобрыми ухмылочками, причем многие носили ножи за поясом; заносчивых девиц в коротеньких шортах и обтягивающих топиках; дико гогочущих парней со стрижками, которые толкали друг дружку, свистя и улюлюкая, когда мимо проходила смазливая девчонка... Да еще бомжей. Этого добра здесь было по-

больше, чем на какой-нибудь Скид-Роу² в Лос-Анджелесе.

Джереми почувствовал, как волнение перерастает в тревогу.

Да уж, это не Диснейленд.

Здесь *всякое* может случиться.

Он уже пожалел, что явился сюда один. Вчера он чувствовал себя гораздо спокойнее, ведь рядом была мама.

Вот блин, подумал он. Неужели я такой маменькин сынок, что не могу и шагу без нее ступить? Как-никак шестнадцать годков стукнуло.

Ну что со мной может случиться?

Пусть многие посетители выглядели грязными, неотесанными и буйными, немало было и вполне приличных: хорошо одетые супруги, семьи с детьми, парочки или небольшие группки самых обыкновенных подростков.

Полным-полно детворы.

И все, кажется, замечательно проводят время. Как будто не замечают рыщущего рядом сброда.

Но они-то гуляют не в одиночку, подумал Джереми.

– Слышь, красавчик, – услышал он резкий голос, заглушивший все остальные звуки. – Да-да, ты, в синих шортах.

На мне сейчас как раз синие шорты.

Но это вовсе не значит, что она обращается ко мне.

² *Скид-Роу* – район в Лос-Анджелесе, населенный в основном беднотой и бездомными. В США его название стало нарицательным для любых трущоб вообще. (Прим. редактора.)

Джереми обернулся.

– Да, ты, – сказала девушка. Она стояла в игровой будке и жестами приглашала его зайти. Позади нее находился металлический стенд, уставленный бутылками. Стены по обе его стороны были до потолка забиты мягкими игрушками. – Шагай сюда, – звала она. – Давай, красавчик, не стесняйся. – Она перекинула мячик из руки в руку, опираясь одной ногой на небольшой выступ в кабинке. Фартук, в который она складывала деньги, прикрывал шорты. Ее груди качнулись под тонкой тканью футболки, когда она подкинула и поймала мячик. – Всего по доллару за бросок. Сбил бутылки – выиграл приз. Кто не рискует, тот не выигрывает.

Джереми покраснел, промямлил: «Нет, спасибо», – и поспешил прочь.

Мог бы и попробовать, думал он. А теперь она решит, что я полный лох.

Тем более, поучаствовав в игре, я мог бы получше ее рассмотреть. Пусть на мордашку она не фонтан, зато все остальное...

– Здорово, парнище.

Джереми остановился как вкопанный при виде ухмыляющегося коричневыми зубами бомжа.

– Парнище, поделись долларом, а? Ты ведь хороший мальчик, не? Смекаешь? – Он протянул грязную руку. – Подай четвертак убогому.

Джереми почувствовал холодок в паху.

– Нет у меня четвертака, – выдавил он, слыша в собственном голосе плаксивые нотки. – Извините.

– Тады доллар давай, парнище, – другой рукой бомж почесал задницу. – Ведь ты же славный парнище, верно? А то я не ел уже...

– Канай отсюда, говно собачье!

Джереми вздрогнул и отпрянул, когда какой-то парень проскочил мимо него и боднул бомжа головой в ковбойской шляпе.

– Чеши отсюда! Ну! Проваливай!

Прикрывая голову обеими руками, бомж поспешно улизнул.

Парень, на вид чуть старше Джереми, хотя вполне мог бы сойти и за его ровесника, нахмурился, снял шляпу и отряхнул ее.

– Ну вот, теперь, сука, вся во вшах, – проворчал он.

– Извини, – сказал Джереми.

– С этими обсосками только так. – Он водворил шляпу на голову, после чего, улыбаясь, протянул Джереми руку. – Звать меня Гибсон. Джордж Гибсон. Но кореша меня Ковбоем кличут.

Джереми пожал руку. Хватка у парня оказалась железная.

– А я Джереми. Джереми Уэйн.

– Ха, Уэйн! Джон «Герцог» Уэйн³!

³ *Джон Уэйн* – знаменитый американский киноактер, прославленный ролями крутых ковбоев, чем и объясняется восторг Ковбоя. Популярное прозвище

– Угу. Спасибо, что прогнал этого гада.

– Не парься, Герцог. Ничего, что я буду звать тебя Герцогом? Дал Бог имечко – Джереми. Как и Джордж. Ненавижу свое имя – Джордж. Ты здесь один или с кем-то?

Джереми замялся. Парень-то вроде вполне дружелюбный, но как знать, что у него на уме. Не исключено, что он в сговоре с тем бомжом, и это какой-то трюк для развода простофиль. Или он просто хочет заманить Джереми в укромное местечко, а там ограбить. Или он педик.

– Эй, просто скажи, ты здесь с кралей? Она отошла куда-то?

– Не, я один, – признался Джереми.

Ковбой хлопнул его по плечу:

– Черт возьми, я тоже! Я тебе покажу округу. Почему бы нам не закорешиться?

– Не знаю, я просто...

– Да ладно тебе, не ссы, погнали!

Ковбой развернулся и пошел вперед, цокая каблуками по деревянному настилу. Джереми держался рядышком. А почему бы и нет? Парень как будто ничего. Конечно, если он на самом деле хочет только дружить...

– Слышь, Герцог, а ты откуда сам?

– Ну, теперь я местный. Мы только что сюда переехали.

– Да ладно? И куда же?

«Дьюк» («Герцог»), по словам самого Уэйна, прицепилось к нему из-за его пса по кличке «Герцог», который всюду следовал за ним в детстве. (*Прим. редактора.*)

– Прямо сюда, в Болета-Бэй.

– Да? А куда конкретно?

Ему что, нужен мой адрес?

– Не знаю, – солгал Джереми. – Куда-то в нескольких кварталах отсюда. Там, на холме.

– А я живу на Лилак-Лейн. Вот же ж названьице для улицы, а? Лилак.

Джереми знал, где это. Всего в квартале от Поппи. Выходит, этот парень – почти что его сосед.

– Мы на Поппи живем.

– Отлично, – он снова хлопнул Джереми, – выходит, мы соседи.

– Мир тесен, – сказал Джереми. Ему показалось, что эти слова прозвучали как-то неуверенно. Хотя, если не соблюдать осторожность, то Ковбой вскоре начнет держать его за придурка. А Джереми этого натерпелся с лихвой. Здесь у него появился шанс начать жизнь с чистого листа, забыв о прошлом.

– Хэй! Чтоб меня. Вафельный рожок будешь?

Джереми покачал головой.

– Да ладно тебе, я угощаю.

С этими словами Ковбой извлек из кармана джинсов пачку банкнот и купил две «Супервафли» за свой счет. По три пятьдесят за каждую.

– Блин, спасибо... – проговорил Джереми, когда Ковбой протянул ему хрустящий вафельный рожок, на вид раза в

два больше обычного, с пломбиром, шоколадным кремом и взбитыми сливками, присыпанными сверху арахисом и украшенными вишенкой.

– Не могу гулять на пустое брюхо, Герцог.

– А куда ты собираешься пойти?

– К резервуару с водой.⁴

Они пошли вдоль променада, жуя свои «Супервафли». Джереми по-прежнему видел вокруг стайки хулиганов, бомжей и оборванцев, но больше не боялся их. Ведь с ним теперь был Ковбой. Если кто докопается, он уже не будет один.

Ковбой размашисто шагал впереди, приветствуя встречаемых друзей и знакомых – некоторые из них, кстати, работали на игровых площадках. Знакомых у него хватало. И девушек в том числе. Заурядных, симпатичных и сногсшибательных красоток. Все они радостно отвечали на его приветствие.

Повезло мне, подумал Джереми. Если мы с ним действительно подружиться, глядишь – и познакомлюсь с одной из них.

⁴ *Dunk Tank*, или *Easy Dunker* – резервуар, наполненный водой, над которым расположено специальное сиденье. Испытуемый садится на это сиденье, а его визави получает в своё распоряжение определённое количество снарядов-мячей. Этими снарядами снайпер должен попасть в центр мишени, расположенной на специальном стенде, второй неотъемлемой части бака-ловушки. В случае точного попадания срабатывает пружинный механизм, сиденье опускается – и тот участник дуэли, который трепетно восседал на постаменте над бурлящим потоком, оказывается в воде. Как правило, месть не заставляет себя ждать, ибо противники меняются местами; правда, не у всех получается попасть в цель, и тогда кто-то выходит, почти в буквальном смысле слова, сухим из воды. (*Прим. перев.*)

У него никогда не было таких друзей, как Ковбой. Его единственным другом в Бейкерсфилде был тощий застенчивый очкарик по имени Эрни, очки которого постоянно ломались то от прилетевшего в лицо мяча (он никогда не мог его поймать), то от кулака (школьные задиры частенько вымещали на нем настроение), он грезил об Аляске и посещал кружок радиолюбителей.

Хороший парень, но конченный задрот.

Послушать Эрни, так все популярные парни в школе являлись пустоголовыми засранцами, рабами гормонов и просто козлами. Привлекательные девчонки были, в свою очередь, унылыми пустышками, притом убежденными, что их дерьмо благоухает розами.

С таким другом черта с два склеишь девушку. А вот с таким, как Ковбой...

– Эй, красавица! – заорал вдруг Ковбой, прервав его раздумья.

Девушка улыбнулась и помахала Ковбою рукой. Она сидела на узкой платформе и болтала босыми ногами над стеклянным резервуаром с водой.

В это время пущенный кем-то мяч угодил в мишень. Девушка с визгом плюхнулась в воду. Сквозь стекло Джереми видел, как у нее изо рта поднимаются пузырьки. Она вынырнула, согнула ноги, пригладила намокшие темные волосы и погрозила кулаком окунувшему ее парню. Добравшись до лесенки на бортике резервуара, она полезла наверх.

Ноги ее блеснули от воды, и Джереми удалось рассмотреть проступающие сквозь шорты очертания трусиков. Футболка облепила ее тело, через тонкую ткань розовела кожа. Длинные волосы спадали вдоль лопаток, почти доставая до застежки лифчика.

Держась за перила, она выбралась из воды и снова заняла свое место.

– Отличный бросок! – прокричала она.

– Да? Тогда взгляни на этот!

– Только мне не хочется задерживать дыхание.

Мяч снова полетел в цель, но на этот раз не попал и отскочил назад.

Девушка с улыбкой хлопнула в ладоши.

Джереми отметил, что на лицо она не красавица. Со спины такие девушки просто отпад, а как обернется – одно разочарование. словно Господь, одарив их прекрасным телом, решил не заморачиваться на лице. Не то чтобы она была совсем уж дурнушкой, нет, но глаза ее были слишком близко посажены, маленький носик вздернут, как пяточок, а рот, напротив, великоват. Передние зубы торчали над нижней губой, словно мраморные плиты.

Следующий мяч тоже не попал в цель.

– Никакой ты не Бозо, Нолан!

Парень махнул рукой и, обняв свою подружку, поплелся прочь.

– А ну-ка, – сказал Ковбой и занял место ушедшего пар-

ня, передав Джереми вафлю. – Дай мне три мяча, Джим, – попросил он продавца и протянул три доллара.

– Смотри, не сбей флюгер на крыше, – поддразнила девушка.

– Готовься хлебнуть водички, Лиззи! – парировал Ковбой и бросил первый мяч. Тот попал прямо в центр металлической мишени. Лиззи снова рухнула в воду.

Забираясь обратно, она оглянулась на Ковбоя:

– Отличный бросок для новичка. А это с тобой кто? Твой друг?

Джереми почувствовал, как краснеет.

– Это мой приятель Герцог. Новичок в городе. Мы только познакомились.

– Рада встрече, Герцог.

– Я тоже.

Она уселась на платформу. Ковбой метнул второй мяч. И снова Лиззи свалилась в воду.

Ковбой улыбнулся:

– Это единственный способ ее отмыть. Ванну принимать отказывается, свинюшка такая.

– Пусть Герцог попробует, – сказала Лиззи, выбираясь обратно.

Ковбой протянул Джереми последний мяч.

– Ой, да ладно, – смутился Джереми. – Кинь сам.

– Не стесняйся, – подбодрила его Лиззи.

Вздыхнув, он отдал вафлю Ковбою и взял мяч.

Это начало конца, подумал он. Сейчас я промажу на целую милю, и они поймут, какой я недотепа.

Он с размаху бросил мяч.

В яблочко!

Мяч угодил в мишень и отскочил.

Лиззи не свалилась в воду.

Она засмеялась и хлопнула в ладоши:

– Непруха, Герцог.

Вот черт!

– Надо кидать немного сильнее, – улыбнулся Ковбой, покачивая головой. – Дай ему еще одну попытку, – сказал он и достал деньги.

– Нет, нет. Лучше как-нибудь в другой раз. Сегодня я очень устал. Ну, понимаете, весь день распаковывал вещи, мебель таскал...

– Ковбой! – крикнула Лиззи сквозь решетку.

– Ась?

– Таня ничего не просила мне передать?

– Нет, а что, должна была?

– Расскажи ей о Джанет. Я хочу взять ее с собой сегодня вечером. Позвони и скажи, что она решила, ладно?

– Договорились. Адиос. Береги сисечки, чтобы от воды не скоробились.

Лиззи залилась краской. Несколько человек, находившихся поблизости, рассмеялись, Джереми же был слишком смущен.

– Ладно, Герцог, погнали.

Они направились дальше. Джереми нагнал Ковбоя и пошел рядом с ним вдоль променада. Миновав площадку, они спустились по бетонной лестнице и оказались на пляже.

– Ну хоть кто-то умеет играть на банджо, – заметил Дэйв. Разудалый мотивчик едва пробивался сквозь общий гомон – шум многочисленных аттракционов, голоса, смех, визг посетителей на «Корабле викингов» и пальбу из «Базуки».

Музыка, похоже, звучала где-то впереди. Дэйв заметил, что в северном конце променада собралось кольцо слушателей.

– Пойдем глянем, что там, – сказал он.

– Всяко лучше чем опрашивать троллей, – вздохнула Джованна.

После обеда они допросили семерых попрошаек, и никто из них ничего не знал о человеке по имени Енох. На вопрос, не замечали ли они прошлой ночью чего-нибудь странного, один из бродяг сообщил, что на его глазах в небе завис космический корабль с планеты Моджо, в котором сидело существо, похожее на ящерицу, но ростом с человека, и посасывало через вставленную в горло трубочку содержимое собственного желудка. Другой поведал, как его поймала парочка альбиносов и затащила под променады, чтобы там скормить своему ручному пауку. Какая-то бабенка утверждала, что к ней явилась Пресвятая Богородица, вручила круглый серый камень и сказала, что внутри спрятан алмаз. На протяжении всего рассказа бабенка не прекращала попыток раз-

грызть этот камень, точно грецкий орех. Следующий бомж и вовсе городил какую-то невнятную околесицу, еще один бросил на них взгляд и обозвал убийцами... Лишь один из опрошенных казался совершенно нормальным, но он утверждал, что всю ночь крепко спал в дюнах и ничего не видел.

Все это время Джоан лишь вздыхала да закатывала глаза и наконец сказала Дэйву, что расспросы попрошайек на променаде – пустая трата времени.

Не такая уж и пустая. Теперь Дэйв окончательно убедился, что история о «надкусившем сосиску» Енохе сродни байкам про спрятанный в камне алмаз, альбиносов-похитителей и пирушку инопланетного ящера.

В окружавшей музыканта толпе раздались аплодисменты. Горстка слушателей покинула круг. Большинство осталось, потом подошли еще несколько человек. Некоторые протискивались вперед, очевидно, желая отблагодарить исполнителя деньгами.

Когда Джоан и Дэйв подошли, заиграла следующая мелодия – «Когда святые маршируют». Музыка звучала с такой живой мощью, с такими затейливыми аккордами, что Дэйв решил: музыкантов как минимум двое. Пытаясь найти лазейку в толпе, чтобы подобраться поближе, он был уверен, что слышит дуэт, а то и целое трио, исполняющее банжо-версию «Святых» так мастерски, что зрители, только что хлопавшие в ладоши, остановились и замолчали, наслаждаясь игрой.

Джоан не стала расталкивать толпу, а ждала, когда Дэйв отыщет лазейку.

Завидев полицейских, кучка неряшливо одетых байкеров тут же отделилась от толпы и рассыпалась в разные стороны. Наконец Дэйв отыскал проход, и они с Джоан смогли пройти.

Не трио. Не дуэт.

Все это исполняла одна-единственная девушка, на вид не старше восемнадцати лет.

Она стояла прямо, как солдат по стойке «смирно», опираясь на одну ногу, а другую выставив вперед, и играла на банджо. Банджо было тяжеленное, таких больших Дэйву видеть еще не доводилось; оно висело на животе девушки, закрепленное широкой лентой.

Разложенный перед ней чехол был завален долларами и монетками, рядышком на тротуаре лежал расстегнутый рюкзак.

«Святые» закончились. Публика взорвалась аплодисментами. Девушка чинно склонила голову, вытянув руки по швам. Пока все хлопали, несколько человек (в основном дети, посланные родителями) вышли вперед бросить деньги. Несмотря на то что ее голова была опущена, Дэйв расслышал, как девушка вполголоса благодарила их.

Наконец, когда зрители поутихли, она подняла голову и, подмигнув мальчишке, стоявшему рядом с Дэйвом, заиграла «Паффа, волшебного дракона».

– Чертовски здорово, – прошептала Джоан.

– Я и говорю.

Левая рука девушки сновала по струнам с невероятным проворством. Правая была почти неподвижна, лишь пальцы подбирали аккорды. Девушка стояла прямо, слегка притоптывая ногой. Играя, она смотрела вперед. Из правого уголка рта выглядывал розовый кончик языка.

Дэйву она показалась совсем молоденькой и очень уязвимой.

Судя по рюкзаку, она не из местных.

Оглядывая толпу, он пытался определить, кто бы мог ее сопровождать. Не факт, что у нее нет спутника, но Дэйв подозревал, что она путешествует в одиночку.

Ездит, скорее всего, автостопом, ночует на улицах.

Рано или поздно она доиграется.

Такие путешествия опасны и для мужчин, а для девушки риск увеличивается в десятки раз.

Впрочем, издали она вполне могла сойти и за парня. Светлые волосы острижены очень коротко, стройное тело, грудь обрисовывается только из-за прижимающего рубашку банджо. Лицо тоже по-мальчишески угловатое, разве что щеки слишком гладкие, но и это не мешало принять ее за паренька, у которого проблемы с гормонами.

Дэйв решил, что такая схожесть с парнем ничем не лучше. Чего доброго какой-нибудь злоумышленник подберет ее на дороге, приняв за юного гея.

Ей вообще повезло, что она сумела добраться сюда целой

и неврежимой.

Дэйву стало интересно, как ее вообще занесло в Болета-Бэй.

Она не тролль. Самая обыкновенная уличная музыкантша, зарабатывающая игрой на пропитание.

Но детишкам-то все одно.

Да и одежда у нее явно не для банкета в ротари-клубе.

На ногах – высокие походные ботинки, покрытые толстым слоем пыли, и старые потертые джинсы, одна из штанин порвана, в зияющей прорехе розовеет бедро. Вместо пояса – лента, одновременно служащая ремнем для банджо и прикрывающая свободным концом дыру в штанах. Рукава старой линялой синей рубашки обрезаны в плечах, верхние пуговицы расстегнуты, на шее ожерелье из белых ракушек, а на голове повязана красная бандана.

В таком прикиде местные подростки легко примут ее за тролля.

И обойдутся с ней соответствующим образом.

Эта девчонка напрашивается на неприятности, думал Дэйв, когда она допела «Дракона».

Под грохот аплодисментов он вместе с другими слушателями прошел вперед, доставая бумажник, вытащил пять долларов и бросил в чехол. Девушка поблагодарила. Дэйв обошел чехол и остановился напротив нее.

– Офицер? – спросила она, глядя на него с недоумением, но спокойно.

– Где вы научились так играть?

– Папина школа.

– Это великолепно.

– Спасибо. А в чем проблема?

– Я обратил внимание, что вы путешествуете с рюкзаком.

Вы намерены заночевать где-то поблизости?

– Ну да. А что, это незаконно?

– Вообще-то да, но мы стараемся смотреть сквозь пальцы.

А вы здесь одна или с кем-то?

Девушка помотала головой, не сводя глаз с Дэйва.

– Оставьте ее в покое, – возмутился кто-то сзади.

– Проклятые копы, – подхватил второй голос.

– Она же никому не мешает!

– Почему вы не цепляетесь к настоящим нарушителям?

Девушка подняла руку, чтобы успокоить ропщущих.

– Я просто хотел предупредить, – начал Дэйв, – что у нас тут проблемы с подростками, которые любят шлаться по ночам и нападать на людей. Они тут уже натворили делов. Конечно, в основном их жертвами становятся местная пьянь да бомжи, но в любом случае ночевать здесь небезопасно. Я бы не хотел, чтобы эти молодчики...

– Слышь, ты, оставь уже девчонку в покое!

– Пожалуйста, успокойтесь! – крикнула девушка. – Он не запрещает мне играть. Я продолжу буквально через минуту.

– Спасибо, – сказал Дэйв. – Так вот, поблизости много мотелей, думаю, всего разумнее было бы зарегистрировать-

ся в одном из них. Вы можете позволить себе ночь в мотеле? Некоторые стоят не больше тридцати пяти – сорока долларов. Есть совсем дешевый, на Клэнси-Стрит.

– Даже не знаю, – потупилась девушка. – Я обязательно подумаю, офицер. Спасибо большое...

– Дэйв. Меня зовут Дэйв.

– А я – Робин.

– Очень приятно, Робин. – Ему действительно нравилось это имя. Оно подходило ей как нельзя лучше.⁵ – Но что-то мне подсказывает, что ты не воспользуешься моим советом. Я прав?

Она пожала плечами.

Он снова достал бумажник и, отсчитав двадцать долларов, протянул девушке:

– Возьми, ладно? И сними себе комнату на ночь.

Ее пальцы мягко коснулись его ладони, отстраняя ее:

– Благодарю, но я не могу этого принять. Правда не могу. Это слишком много. Я смотрю, вы и так уже дали пятерку. Этого более чем достаточно. Это очень высокая плата за мою игру, и больше я не возьму. Договорились?

– Я не хочу, чтобы ты стала боксерской грушей для озверевших юнцов.

Он отметил, что в ее спокойных голубых глазах промелькнула искорка страха.

– Буду предельно осторожна, – сказала девушка.

⁵ Робин (англ.) – малиновка. (Прим. переводчика.)

У меня, неожиданно подумал Дэйв. Она могла бы переночевать у меня.

Нет, это глупость. Первым делом она подумает, что я хочу залезть к ней в штаны.

— Что ж, как знаешь, — сказал он. — Раз комнату на ночь ты искать не собираешься, советую схорониться где-нибудь, по возможности, подальше и поглубже. Там, где никто тебя не заметит. Главное, не вздумай и близко подходить к променаду, когда Фанленд закроется и погаснут фонари. Это их излюбленное место для «забав».

— Буду держаться как можно дальше, — ответила Робин. — И постараюсь найти укромное местечко. — Ее губ коснулась легкая улыбка. — Я всегда только так и поступаю. Мой папочка дураков не воспитывал.

— Что ж, надеюсь, все обойдется. Удачи тебе, Робин.

Она кивнула и похлопала его по руке:

— Спасибо.

Дэйв пошел прочь. Многие глазели ему вслед, когда он протискивался через толпу.

За его спиной Робин объявила:

— Эта композиция прозвучит специально для офицера Дэйва.

— О чем вы там говорили? — спросила Джоан, приподняв брови.

Прежде чем он успел ответить, банджо заиграло новую мелодию. Он обернулся. Глаза девушки были устремлены

прямо на него. Кончик языка торчал из уголка рта.

– А куда мы идем? – спросил Джереми.

– Надо заглянуть к Тане, – ответил Ковбой. – Кстати, как тебе Лиз?

– Мужик, поверить не могу, что ты это сказал.

– В смысле?

– Ну, по поводу сисек.

– Да ладно, ей по душе такие вещи. Уж я-то знаю.

– Вы часто общаетесь?

– Шутишь, что ли? Она ж моя пассия.

– Твоя девушка?

– Прямо в точку, Герцог.

Джереми чуть не брякнул «ого», но вовремя спохватился, осознав, как по-дурацки это бы прозвучало. Вместо этого он зачем-то спросил:

– Неплохо, а что насчет сестры?

– Двоюродной. Кстати, можешь увидеться с ней сегодня вечером, коли есть желание. Не только с ней, но и с другими моими друзьями. Надо только у Тани спросить. Но она небось будет только рада.

– Здорово.

Они шагали по пляжу, петляя между расположившимися на полотенцах и одеялах загорающими. Ковбой шел впереди, и Джереми понимал, что сам выбрал бы точно такой

же маршрут, если бы шел в одиночку. Поближе к девушкам. Они были дивно хороши, когда лежали на песке практически голышом, не считая узеньких купальников. Многие растянулись на спине, но некоторые устроились на животе, ослабив завязки лифчиков и освободив грудь. Кто читал книги, кто журналы, многие болтали между собой, некоторые, похоже, дремали. Попадались даже парочки, которые вели себя настолько смело, будто находились на пляже одни.

Лавируя между ними, Джереми старался отвлекать себя, сосредоточившись на своей «Супервафле» и отвечая иногда на реплики и шуточки Ковбой. Он был так возбужден, что с трудом мог глотать.

А ведь теперь я могу ходить сюда хоть каждый день, думал он.

Когда только вздумается.

Просто так. Гулять и глазеть.

Черт, да это почище Фанленда.

Ковбой тем временем приблизился к стройной девушке, которая лежала на одеяле, уткнувшись лицом в скрещенные руки. Джереми умудрился разглядеть бледную незагорелую кожу на одной из ее грудей. Грудь слегка выпирала под тяжестью девичьего тела. Девушка была почти обнажена, не считая узенького бикини, да и то, казалось, вот-вот лопнет. Лифчик и трусики, состоявшие из тоненьких треугольничков ткани – и больше ничего.

– М-да, – пробормотал Ковбой. – Такая одежда лишь под-

церкивает все прелести.

– Мне б на место ее парня, – сказал Джереми.

Парень стоял возле девушки на коленях и втирал в ее спину масло для загара. Она вздрогнула от очередного прикосновения. Ягодицы слегка колыхнулись. Отставив флакон в сторону, он принялся растирать масло по всему ее телу, стараясь делать это как можно нежнее и мягче. Джереми представил, что это его руки ласкают ее тело. Что на месте этого парня находится он сам.

Он не мог оторвать глаз от этого зрелища, и Ковбой, похоже, разделял его чувства. Оставив парочку позади, Ковбой остановился и оглянулся. Джереми последовал его примеру.

Парень массировал одну из ягодиц девушки, масло стекало вниз, сверкая на солнце. Он принялся нежно втирать его.

– Эх, – сказал Ковбой. – Жаль, что она лежит не на спине.

– Да уж, перевернулась бы и забыла, что бикини развязано...

– Добро пожаловать в Болета-Бэй, – улыбнулся Ковбой.

– Кажется, я влюблен в это место.

– погоди, вот увидишь Таню, – сказал Ковбой и пошел дальше.

Джереми еще раз обернулся, посмотрел, как парень натирает маслом бедра девушки чуть ли не в самой промежности, и поспешил за Ковбоем.

– Кто такая эта Таня? – спросил он.

– Нейтова девчонка. Потерпи, скоро сам увидишь. Мно-

гие парни нарочно тонули, только чтобы она их вытаскивала.

– В смысле?

– Она спасатель. А еще капитан в группе поддержки. Видел бы ты, как она скачет во время игры... у слепого встанет.

– Ты от нее тащишься?

– Найдешь парня, который не тащится – знай: он педик. Хотя, конечно, бывают девчонки и погорячее...

– Но вроде ты говорил, что она девушка какого-то Нейта?

– Да он мутила. Эх, отбил бы я ее, да мы с ним, как на грех, лучшие кореша...

– Ага, и Лиз бы вряд ли обрадовалась.

– Да, кстати, Лиз тут ни при чем. Нейт там, или не Нейт, а только Таня посмотрит на меня тогда, когда я вырасту футов на шесть, да сменю физиономию.

– А если, например, попробовать опоить ее или...

– Э! Опоить ее? – Ковбой снял шляпу и треснул Джереми по плечу. – Да пошел ты! Я что, по-твоему, извращуга какой-нибудь? Ради Бога, скажи, что ты пошутил! Это ж в голове не укладывается!

Джереми сгорал от стыда. Если Ковбой заподозрил в нем тряпку и неудачника, предложение опоить Таню могло убедить его окончательно. Надо срочно выкручиваться.

– Не могу дождаться, чтобы ее увидеть, – сказал он.

– Считай, дождался. – Остановившись, Ковбой вытянул руку и указал на ближайшую спасательную вышку. Это была самая обыкновенная вышка, выкрашенная в белый цвет,

с деревянной лестницей, ведущей на смотровую площадку. Там, наклонившись вперед и опершись руками на перила, стояла девушка.

– Это она? – спросил Джереми.

– Так точно.

Они подошли ближе.

Она стояла вполоборота, так что Джереми не видел ее лица. Но даже так она выглядела великолепно. Росту в ней было, как показалось Джереми, почти шесть футов. Обнаженные ноги, бронзовые от загара, были красивыми и сильными. Одета она была в красные шорты и белую рубашку навыпуск.

Шорты с рубашкой висели на ней свободно, но не могли скрыть упругости и объема ее ягодиц. Ветер колыхал ее рубашку, обрисовывая грудь и идеально плоский живот. Волосы, стянутые в хвост, сверкали золотом.

Если она и на лицо такая же...

– Эге-гей! Таня! – гаркнул Ковбой, подходя к подножию лестницы.

Повернув голову, Таня посмотрела вниз. Ее глаза были скрыты за темными очками.

Но даже в очках ее лицо было прекраснее, чем Джереми представлял себе со слов Ковбоя. Не просто прекрасное – волшебное. Золотистая челка спадала на высокий лоб. Резко очерченные скулы, кожа, настолько загорелая, что на ее фоне зубы сияли белизной. Рот чуть широковат, полные, чуть темнее кожи губы оттеняли величественную красоту ее ли-

ца, отчего оно выглядело беззащитным и одновременно до боли эротичным.

– Привет, Ковбой, – произнесла она. Как и ожидал Джереми, у нее был грудной чистый голос.

– Нынче вечером все в силе?

Она повернулась к Джереми. У него возникло чувство, что он тает, как кусок масла на сковородке.

– Насчет Герцога не волнуйся. Он парень что надо. Кстати, хочет с нами. Потому я его и привел. Надеюсь, ты не против? И еще Лиз хотела спросить, можно ли ей взять с собой двоюродную сестру?

– Нет.

Внутри у Джереми все сжалось. К горлу подкатил ком.

Раскусила. То-то все слишком хорошо шло! Пустить пыль в глаза Ковбою он смог, но ей... Она смогла увидеть его насквозь. Поняла, что он изгой. Черт. Черт!

Таня отошла от перил. Подойдя к лестнице, она наклонилась и устремила взгляд на Ковбоя. Божественная, прекрасная... и грозная.

– Это касается только нас, – сказала она. – Чужакам нос совать нечего. И вам с Лиз пора бы это усвоить.

– Но Герцог местный. Он только переехал.

Сняв очки, она посмотрела на Джереми. Ее глаза могли затмить голубизной полуденное небо. Она изучала Джереми. Его сердце пустилось в галоп. Ноги обмякли.

– Без сопливых обойдемся, – изрекла она.

Эти слова будто окатили его ведром ледяной воды.

– Эй! – рявкнул кто-то на Таню.

Это я, осознал Джереми. Это я сам кричу.

– Да пошла ты! – выпалил он.

Он все еще держал в руке «Супервафлю». Остаток рожка с лужицей расплавившегося мороженого в глубине.

Он швырнул его.

Мороженое выплеснулось. Но не все. В рожке еще оставалось достаточно. Оно забрызгало Тане бедро, а часть попала даже в штанину ее свободных шорт.

Джереми смотрел во все глаза, не веря в содеянное.

Рожок отлетел, а Таня ринулась вниз по лестнице.

– Боже, Герцог... – услышал он слова Ковбоя.

Пожалуй, самое время дать деру. Вместо этого он остался на месте, вытянув руки по швам.

Таня ухватила его за ворот расстегнутой рубашки и вздернула на цыпочки. Она смотрела прямо ему в глаза. Ее верхняя губа чуть приподнялась, обнажая зубы:

– Ты, крысеныш...

– Да пошла ты, сестренка. Драть тебя с кобылой вместе, на которой прискакала.

Он не мог поверить, что такое сказал.

Вот теперь она меня точно убьет.

Вместо этого она с невероятной силой рванула его за ворот рубашки, буквально содрав ее. И тут же сунула ему в руки.

– Вытри за собой.

Его сердце чуть не выпрыгнуло из груди.

– Что?

– Ты слышал, что я сказала.

Надавив на плечи, она поставила его на колени.

Он смотрел, как белая струйка мороженого медленно стекает по ее бедру. Подняв руку, Джереми провел по нему краем рубашки, стирая крем и чувствуя при этом упругость ее мышц. Во рту пересох-ло. Из легких будто вышел весь воздух, сердце готово было выскочить из груди.

Оттерев бедро, он остановился и перевернул рубашку сухой стороной. Подвернув рукав, прошелся им по шортам. И опустил руку.

– Эй, ты не закончил.

– А?

– Доведи дело до конца.

Обернув ладонь рубашкой, словно в перчатку, он снова коснулся ее ноги, а затем скользнул под шорты. Ткань рубашки тут же увлажнилась. Он ощущал гладкость Таниной кожи. И ни намека на трусики.

– Ты только все размазываешь.

Она вытащила его руку наружу, нашла на рубашке сухое место, снова обернула ею руку и отправила обратно.

Болезненное вождение. Стыд. Теснота. Жар.

Он тер. Он осязал ее. Ее ногу, ложбинку, где нога соединяется с телом. Стоит лишь продвинуться еще на несколько

сантиметров...

О Боже. Боже! Так близко!

Только не делай этого!

Бога ради! Нет! Не надо!

Он выдернул руку. И посмотрел на Таню снизу вверх.

– Что надо сказать? – спросила она.

Он пожал плечами.

– Что надо сказать?

– Спасибо, – буркнул Джереми.

– Ха! – услышал он возглас Ковбоя.

– Встань.

Он встал.

Губы Тани изогнулись в улыбке:

– В час ночи. Прямо под клоуном.

– То есть я могу прийти?

– Да, – в ее дымчато-голубых глазах сверкнула насмешка. – Ковбой, введи его в курс дела. И вели Лиз оставить двоюродную сестрицу дома. Или может сама не приходить.

Глория Вестон

МОНСТРЫ СРЕДИ НАС

Его зовут Гаррисон Бентли. Друзья называют его Бентсом. А некоторые из нас – троллем.

Несколько дней назад его жестоко избили, раздели догола и привязали к одному из аттракционов под названием «Ураган» в Фанленде. На лоб приклеили записку: «Привет от Огромного Козла Графа».

Нет, аттракцион не оборвал жизнь Гаррисона Бентли, когда начал работать, отнюдь. Нет, вагончики не сошли с рельсов вместе с пассажирами от удара о его тело. Гаррисона успели вовремя обнаружить, предотвратив тем самым трагедию.

На грани смерти от переохлаждения он был доставлен в приемный покой больницы, где на его теле были обнаружены многочисленные ушибы и ссадины. А также вывих плеча, два сломанных ребра и перелом носа.

Все нанесенные ему телесные повреждения со временем

заживут, но никакое время не способно исцелить раны, нанесенные его душе. Каково это, страдая от побоев и унижения, оказаться привязанным на страшной высоте над променадом и провести там совершенно голым несколько долгих, бесконечных часов... В темноте, понимая, что рассвет принесет не долгожданное спасение, а громкий рев мотора аттракциона, который начнет свой обыденный маршрут с того, что лишит его жизни.

Такие раны никогда не заживают.

Эти шрамы останутся у Гаррисона Бентли на всю оставшуюся жизнь.

Но за что?

Мы, добропорядочные жители Боле-Бэй, прекрасно знаем, за что.

Он совершил преступление и понес заслуженное наказание.

Что же за чудовищное преступление совершил этот человек?

Ответ на этот вопрос мы все тоже прекрасно знаем.

Его преступление состоит в том, что он стал бездомным.

Он стал «троллем».

И именем «Огромного Козла Графа» его постигло справедливое правосудие.

Он далеко не первая жертва изуверов, обжившихся в нашем городке и орудующих в основном в районе пляжа и про-

менада, жертва «тролльной охоты» — язвы нашего благопристойного общества. На данный момент — последняя жертва.

Нашим властям известно уже как минимум о двадцати подобных случаях, когда бездомные становились жертвами преступной молодежной группировки. Самые первые из них, начавшиеся прошлым летом, незначительны в сравнении с жестокими истязаниями Гаррисона Бентли. Сначала жертв просто связывали, затыкали рот кляпом и вынуждали покинуть город. И они действительно уносили ноги. За много-много километров, ужасно напуганные, но все же невредимые. Они навсегда запомнили предупреждение: никогда больше не показываться в Болета-Бэй.

Однако вскоре такие методы перестали удовлетворять растущие аппетиты подростков. Им уже мало было просто изгонять несчастных из города, и они стали жестоко избивать их, бросая затем на месте преступления, которым мог оказаться и переулок, и пляж, и темное пространство под дощатым настилом променада, и различные укромные местечки за аттракционами и игровыми стендами Фанленда. И всегда с визитной карточкой, напоминающей о том, что он — или она — жертва «Огромного Козла Графа».

Но вскоре этим зверениям наскучили и побои, и хотя избияния все равно продолжались, в «игру» стали вноситься все новые, все более изощренные элементы пыток и измыва-

тельств.

Четыре недели назад совершающий утреннюю пробежку мужчина обнаружил бездомную, которая представилась впоследствии как «Полоумная Мери», прикованную наручниками к парапету набережной. Как и все предыдущие жертвы, Мери была сильно избита, но, в отличие от других, ее еще к тому же раздели догола. Каждый дюйм ее тела был покрыт зеленой краской из распылителя.

Бифф, следующая жертва, был точно так же раздет и разукрашен в красно-желтую полоску.

Люси приклеили задом к скамейке на променаде, к ее лицу тем же клеем прилепили тарелку для подаяния.

Джеймс был обнаружен на карусельной лошадке со связанными за спиной руками и петлей на шее. Если бы он упал с этой лошадки, прежде чем его обнаружили...

Гаррисон оказался привязан к «Урагану».

И конечно же, на нем они не остановятся. Наша местная компания варваров будет и дальше изгаляться над бездомными, становясь все изощреннее в своей жестокости.

И в этом виноваты мы.

Мы – их сообщники.

Мы всегда стараемся избегать всех этих «бомжей, алкашей и психов», которые встречают нас на каждом шагу с протянутой рукой. Мы боимся их, как рассадников некоей страшной болезни, заразы, передающейся от одного лишь их присутствия.

И эта болезнь действительно распространилась.

Да, она распространилась среди всех нас, друзья, и называется эта болезнь – чувство вины.

У нас есть все: дома, семьи, еда, одежда и бесчисленные предметы роскоши. А у них нет ничего.

И мы ненавидим их за напоминание об этом.

И мечтаем, чтобы они ушли.

И троллеры хотят того же самого. Троллеры – наши дети, они реагируют на бомжей точно так же, как и мы, со страхом и отвращением. Они видели те же реакции на наших лицах. Они слышали, как мы насмехаемся или бормочем проклятия в их адрес. И некоторые из них, скорее всего, небольшая группка, решили сделать благое дело и очистить город. Очистить, навсегда избавив от этих разносчиков заразы. Они изобрели вид спорта под названием «троллина охота».

Разумеется, власти с самого начала осуждали их деятельность.

Но многим из нас она пришлась по душе.

В конце концов кто-то все-таки взялся за решение «бомжовой проблемы». И вот уже на бамперах наших автомобилей и витринах магазинов стали появляться наклейки вроде: «Охотники на троллей», «Одного тролля хватит, чтобы испортить весь день» и даже «Огромного Козла Графа – в президенты!» Гуляют остроты вроде: «Какую приманку вы используете для охоты на троллей? „Вискас“!», или

«Как можно определить, что тролль сдох? Он не попросит мелочи, если на него наступишь!»

Мы не осуждаем совершенные против этих людей акты насилия, мы превратили их в спорт. Мы аплодируем их зачинщикам. И таким образом льем воду на мельницу Огромного Козла Графа.

Интересно, будем ли мы праздновать тот день, когда обнаружим первого убитого руками наших детей бомжа?

Я в этом сомневаюсь.

А такая возможность нам обязательно представится. Завтра, через неделю, через месяц, но они совершат свое первое убийство.

Ради нас.

Этот момент неотвратим, и приближается он стремительно.

На этот раз тролль умрет.

Бомж, алкаш, псих. Попрошайка, бубнящий что-то на одному ему понятном языке, одетый в лохмотья и воняющий, как куча протухшего мусора. Наверняка многие из нас полагают, что мир станет гораздо лучше, если этот тролль покинет его. Если он умрет.

Но убийцами будем мы с вами.

А жертвой, давайте не хитрить с самими собой, будет вовсе не тролль.

Не тролль, а человек. Мужчина или женщина, в какой-то момент своего жизненного пути разминувшийся с удачей,

родившийся под несчастливой звездой или раздавленный тяжёлым сапогом наркозависимости. Человек, а не тролль.

Человек. Ребенок, боготворимый когда-то отцом и матерью. Ребенок, подстерегавший Санта-Клауса в канун Рождества. Девчушка, мчавшаяся на роликовых коньках по дороге. Мальчуган, радовавшийся своему первому велосипеду, плакавший, когда лопнул воздушный шарик, надувавший пузыри из жвачки и обожавший мороженое в рожках.

Ребенок, который непременно влюбился бы в Фанленд с его хот-догами и сахарной ватой, с многочисленными игровыми стендами и головокружительными аттракционами.

Это и есть наш тролль.

Наша жертва.

Тот, кто уже совсем скоро будет найден убитым где-нибудь на пляже, с прикрепленной к телу карточкой, на которой будет подпись: «Привет от Огромного Козла Графа».

Позвольте мне немного перефразировать эту подпись.

Пусть лучше она звучит так: «Привет от Огромного Козла Графа и граждан Болета-Бэй».

Дэйв сложил «Вечерний стандарт» и бросил на журнальный столик. Поднял кружку пива. Сделал большой глоток.

– Ну, что скажешь? – спросила Глория. Она сидела рядышком на диване, поджав под себя ногу и облокотившись рукой на подушку. И смотрела на Дэйва, слегка приподняв бровь, готовая ответить на критику.

– Неплохая работа, – сказал он.

– По-моему, ты лукавишь.

– Ну, это должно всех взбудоражить.

– Да, на то и был расчет. То, что происходит в нашем городе, – позорище. С этим надо что-то делать.

– Абсолютно с тобой согласен. – Дэйв допил пиво и поставил кружку на место. – Кстати, почему бы нам не сходить на Крысиную пристань?

– Не пытайся сменить тему.

– Но я проголодался.

– Так все же, что ты думаешь о том, что написано в статье? Дэйв вздохнул. Почему бы не высказать ей все и поскорее со всем покончить? Сказать то, что она так желает услышать.

– Разве не лучше вести споры на сытый желудок? – спросил он. «Ребенок, подстерегавший Санта-Клауса в канун Рождества», «девчушка, мчавшаяся на роликовых коньках по дороге» и «мальчуган, радовавшийся своему первому велосипеду» были еще свежи в его памяти, и Дэйв подумал, что Глория сейчас очень похожа на рыбака, у которого клюет.

– Я, – сказала она, – видимо, уже затрахала тебя с этим?

– Специально решила подобрать словечко повульгарнее?

Теперь на ее лице явственно читалось, как она рада возможности его задеть:

– О? А эта твоя Джоан, разве она выражается мягче?

– Это совсем другое.

– Почему другое?

– Я думал, ты хотела поговорить о бомжах.

– Вернемся к ним позже. Сперва скажи мне, почему Джоан можно «выражаться», а мне нет? Ах, да. Она ведь «свой в доску парень». Только вот никакой она не парень. Или ты не замечал?

– Ты никак переела своего овса? Или побегов бамбука?

– Когда Джоан была у нас на той неделе, она выражалась, как матрос, а ты и слова поперек не сказал.

– Я не критикую своих гостей.

– Но ей, значит, можно так разговаривать?

– Меня это не волнует.

– Но тебя почему-то волнует, что я сказала слово «затрахала»?

– В твоих устах это прозвучало наиграно и по-детски. Как у второклашки, который хочет шокировать родителей.

Приоткрыв рот, она покраснела.

– Сволочь, – выдохнула она.

Дэйв понял, что перегнул палку. Конечно, она первая затеяла скандал, противопоставляя свою активную общественную позицию полицейской толстокожести; но она не ожидала, что это будет принято так близко к сердцу. И не рассчитывала быть посрамленной.

– Прости, – сказал Дэйв и положил руку ей на плечо.

Она резко отдернулась.

– Но ты сама спросила...

– Иди к черту. Ах, пardon за мою «детскость». – Она вста-

ла с дивана и направилась к выходу.

– Глория...

Она открыла дверь.

– Давай забудем обо всем и пойдем на Крысиную пристань?

Она посмотрела на него.

Глаза ее покраснели.

Боже правый.

– Эй, – сказал он. – Я не имел в виду ничего плохого.

– Нет. Конечно же, нет. Наслаждайся своим ужином. – Хлопнув дверью, она ушла.

Джоан застегнула молнию белого джинсового платья и посмотрелась в зеркало. Это было ее первое платье с тех пор, как мини-юбки вернулись в моду. К таким вещам еще нужно привыкнуть.

– Ничего прикид, – сказала Дебби с порога спальни.

Джоан обернулась и посмотрела на сестру:

– Как по-твоему, не слишком короткое?

– Выглядит отлично, – сказала Дебби, входя в комнату. – Одолжишь как-нибудь?

– Конечно, только... – Сестра ростом пониже, но платье наверняка придется ей впору. Трудно было поверить, что за короткое время она так выросла. Трудно и немного грустно.

– Только что?

– Не хотелось бы мне, чтобы кто-нибудь из твоих парней

пускал на него слюнки.

– Не говори ерунды.

– Твои парни не пускают слюнки?

– Тебе лучше знать. По-моему, ты знаешь о них больше, чем я сама.

– Кто-то должен следить за тобой.

– Кто-то и за тобой должен следить.

– О чем ты?

– Ты все еще встречаешься с этим? – Ее верхняя губа чуть вздернулась.

– Да, и он будет здесь с минуты на минуту.

– Что ж, это твоя жизнь.

– Абсолютно верно. И чем тебя так не устраивает Гарольд?

– Да собственно ничем. Хм-м-м. Он само совершенство.

Интересно, почему ты до сих пор не вышла за него замуж?

– Он не предлагал, – ответила Джоан.

Дебби сделала страшные глаза:

– Но ты же все равно бы не согласилась, верно? В смысле, если б он сделал тебе предложение, ты все равно бы его отшила, да?

– Думаю, я поступила бы потактичнее.

– Но ты же на самом деле не собираешься за него замуж?

– Не думаю.

– Слава Богу, значит, ты еще не совсем «ку-ку».

– Спасибо.

– Он же безнадежен. Спроси меня, что ты в нем нашла, я

и ответить не смогу.

– Хочешь, чтобы я ответила?

– Да, скажи, что ты в нем нашла?

– Просто Гарольд хороший парень.

– Но ведь ты могла бы найти и получше.

– Правда? Интересно, с каких пор ты у нас за мамочку?

Самодовольная улыбка сошла с лица Дебби.

– Извини, – сказала Джоан.

Дебби пожалала плечами, но по глазам было видно, что слова Джоан ее задели. Словно почувствовав это, она скорее от-
вернулась.

– И куда же ты пойдешь с Мистером Совершенство?

– В кино. Знаешь, сейчас в Университете проходит летний
кинофестиваль.

– Как заманчиво...

– А потом, наверное, еще куда-нибудь. Дома буду что-то
около полуночи, но если что – обязательно позвоню.

– Не меняйте из-за меня свои планы.

Пытаясь загладить вину за «мамочку», Джоан предложи-
ла:

– Может, хочешь поехать с нами?

– О, это было бы шикарно.

– Уверена, Гарольд не будет против.

– И я смогу увидеть все его эрогенные зоны?

– Это вряд ли, – сказала Джоан.

– То есть он не распускает руки при посторонних?

– Не говори глупостей. Он вообще не распускает руки, при посторонних или нет.

– Чепуха. – Прищурившись, Дебби посмотрела на Джоан. – Он ведь занимается с тобой этим.

– Для меня это новость.

– Пытаешься меня обмануть?

– Точно. Я величайшая в мире обманщица.

– Но это... Как-то странно. Ты что, не даешь ему?

– Тебе-то что за дело?

– Да просто любопытно. Ты встречаешься с парнем целый месяц, а у вас еще ни разу ничего не было. В чем проблема?

– Не знаю, – она почувствовала, что начинает краснеть.

– Так значит, все-таки дело в нем? Он не той ориентации, что ли?

Джоан пожала плечами:

– Давай не будем об этом, ладно? Не знаю, в чем дело, и не хочу об этом говорить.

– Какого черта тогда ты до сих пор встречаешься с ним?

– Я же сказала, потому что он хороший парень. Так что, хочешь с нами, или как?

– Чем же тогда вы с ним занимаетесь? Ничем?

– Поехали вместе, и все узнаешь.

– Ни за что. Божечки. Я всегда догадывалась, что с этим типом что-то не так.

В дверь позвонили.

– Ладно, до встречи, – сказала Джоан. – После полуночи.

– Ага. Удачи.

Джоан схватила лежащую на кровати сумочку и выбежала в коридор. Открыла дверь. На крыльце стоял Гарольд. Он заглянул ей в лицо, словно хотел удостовериться, что не обознался, после чего перевел взгляд на грудь; впрочем, он вел себя так почти всегда. Не потому, что восхищался ее грудью: похоже, просто не мог долго смотреть ей в лицо.

– Как поживает моя любимая полицейская?

– Вся извелась, – ответила она.

Он с улыбкой кивнул:

– Готова?

– А то. – Закрыв за собой дверь, она подошла и взяла его за руку. Он неуверенно сжал ее ладонь.

– Думаю, сегодняшний фильм тебе понравится, – проговорил он, когда они шли к его «Вольво».

– Значит, хоть сегодня он будет без субтитров?

– Сегодня показывают «Макбета» Полански.

– Серьезно? А я думала, что Шекспир – это для умных.

– Ты невыносима.

– Да ладно, я же пошутила.

– Ужас.

Гарольд открыл перед Джоан пассажирскую дверцу. Она забралась в машину и посмотрела на него. Он так ни разу и не взглянул на ее ноги.

Чего и следовало ожидать. Хотя в ней теплилась надежда, что это платье разбудит его чувства.

Похоже, выбросила деньги на ветер, подумала Джоан, когда он закрыл дверь.

Она опустила глаза: будь платье еще хоть чуточку короче, стали бы видны трусики. Она чувствовала бедрами шершавую обивку сиденья.

Гарольд уселся за руль.

– Как тебе мое новое платье? – спросила Джоан.

– Очень к лицу, – отозвался он и завел машину.

– Может, не поедем на этот фильм?

– Но это же классика. – Автомобиль отъехал от тротуара.

– Я его уже смотрела. Он и в подметки не годится версии Орсона Уэллса. Все новшество – голозадые девки. Небось поэтому ты так хочешь его посмотреть?

– Не говори глупостей.

– Давай лучше на променад?

Он посмотрел на нее встревоженно.

– Когда-нибудь бывал там?

– Один раз. И поверь, мне вот так хватило.

– А я хочу туда. Там весело.

– Джоан, ты и так каждый день патрулируешь этот променад, неужели тебя и после работы тянет туда?

– Думаешь, на дежурстве я могу покататься на карусели или колесе обозрения? Знаешь, чем я сегодня там занималась? По десять раз проверяла туалеты, да выслушивала бредни всяких ненормальных о летающих тарелках и явлениях Девы Марии.

– Это злачное место. Там очень опасно.

– «Мне тогда грозит опасность, когда я к ней спиной; но лишь лицо увидит Цезаря, то сгинет...»⁶

– И грязно. В этом парке ужасная грязь, а на тебе новое белое платье. Ты испортишь его, как только сядешь куда-нибудь. Это безумие. Самое настоящее безумие.

– За последние три недели я вдоволь насмотрелась высокохудожественных фильмов. Ну же, поехали в Фанленд, а? Я куплю тебе сладкую вату.

– Терпеть не могу.

– Какой ты нудный. Ладно, не бери в голову, поехали смотреть твоего «Макбета». А на променад я как-нибудь потом выберусь сама, может, даже подцеплю там симпатичного морячка...

Гарольд молча развернул автомобиль в сторону Фанленда.

⁶ У. Шекспир, «Юлий Цезарь», Акт 2, сцена 2. (Пер. П. Козлова.)

– Двадцать три, – сказал работник аттракциона «Угадаю возраст». Джоан показала ему свои водительские права, чтобы доказать, что ей двадцать семь лет, и он выдал ей приз – ластик в форме динозавра.

Она предложила Гарольду тоже поучаствовать, на что тот ответил, что это портит карму.

Джоан подумала, что благодаря редееющим волосам и обемистому брюшку, выпирающему из расстегнутой спортивной куртки, шансы Гарольда на победу весьма высоки. Парнишка наверняка даст ему не меньше сорока лет вместо реальных тридцати четырех. Естественно, Гарольд, стеснявшийся своей внешности, участвовать в игре отказался.

Они гуляли по променаду.

Джоан не бывала здесь по вечерам с прошлого лета. После наступления темноты луна-парк совершенно преображался: игровые стенды были ярко освещены, неоновыми огнями подмигивали названия аттракционов, куда ни глянь – тянулись гирлянды разноцветных электрических лампочек. К запахам сладкой ваты, попкорна, хот-догов, картошки фри, машинного масла, туалетной воды и одеколонов примешивался запах океана, создавая какой-то особый, чарующий, аромат. Да и народу было гораздо больше, чем днем. Все казалось Джоан таинственно-сказочным.

Здесь так каждый вечер, а я все пропускаю.

Эх, ну почему Гарольд не желает этого понимать...

– Ты что-нибудь хочешь? – спросила она у него.

– Хочу. Но уже слишком поздно. «Макбет» давно начался.

– Но должно же найтись хоть что-то тебе по вкусу. Как насчет вон той карусели? – Джоан остановилась возле нее, наблюдая за выходящими людьми. Девушки смеялись, какая-то парочка с улыбкой держалась за руки. – Давай прокатимся, – предложила Джоан.

– Прокатись, если хочешь. А я здесь подожду.

– Да ты не представляешь, как это здорово.

– Нет, иди без меня, если тебе так хочется.

Джоан пожала плечами:

– Может быть, позже. Пойдем, – она взяла его за руку и повела дальше. – Мы обязательно найдем то, что понравится и тебе.

– Скорее ад замерзнет.

Вдруг она увидела ту самую ведьму с носком на руке. Старуха неподвижно просидела на одном месте весь день, и только ее кукла-носок то и дело «заговаривала» с людьми, которым не повезло проходить мимо. У Джоан возник соблазн подвести к ней Гарольда.

В конце концов, он так мечтал посмотреть «Макбета», а чем эта мадам не одна из трех сестер-ведьм?

Хотя, конечно, это жестоко.

Вспомнив, как эта ведьма схватила за ногу Дэйва, Джоан

не смогла сдержать смеха.

– Ты чего? – спросил Гарольд.

– Одна из моих любимиц среди бомжей, – кивнула она в сторону старухи.

– Не вижу в ней ничего забавного, – сказал Гарольд.

– Носок, который у нее на руке, сегодня цапнул Дэйва за ногу.

– Читала статью Глории о «тролльной охоте»?

– Читала. По-моему, весьма топорно.

– А по-моему, она отлично поработала.

– Ей бы перестать для начала задирать нос. Мы, оказывается, пособия, подумать только! Типичная слезовыжималка. – Подняв руку, она показала на громаду «Урагана». – Мы с Дэйвом задницами рисковали, карабкались туда вызывать того бедолагу. Стоило нам поскользнуться – и пиши пропало... остались бы только рожки да ножки. Нечего мне говорить о «пособниках». Она прекрасно знала, что мы это делали. Но упомянула она об этом в своей статейке? Черта с два. Смысл этой писанины – вдолбить читателям, что полиция и большинство горожан одобряют «троллинговую охоту». Не представляю, как она может смотреть Дэйву в глаза, после того как накропала этот пасквиль.

Отпустив руку Гарольда, она подошла к «Базуке» и заплатила служителю. Тот зарядил пушку пятью теннисными мячами. Джоан схватилась за широченный ствол, прицелилась и сделала первый выстрел. Мяч попал прямо в живот кук-

ле-мишени, отчего та свалилась с подставки и завертелась на веревочке.

Джоан посмотрела на Гарольда. Вид у него был удрученный, наверное, из-за того, как она отреагировала на статью Глории.

Она выстрелила еще раз и снова сбила куклу, на сей раз попав в голову.

– Мы давно прижали бы этого треклятого «Огромного Козла Графа», если бы хоть одна из жертв согласилась помочь. Но они запираются. Никакого толку, ясно? Знаешь, что нам удалось выяснить на данный момент?

Выстрелом в грудь она сшибла следующую куклу.

– Это подростки. Одни утверждают, что вся банда состоит из девушек, другие – что наоборот, из парней, а числом колеблется от трех до пятидесяти человек. Вот что мы выяснили со слов пострадавших. Предводитель банды – Сатана собственной персоной, с рогами, копытами и всем, что предполагается, а среди участников – роскошная блондинка, майор Дональдсон, здоровенный негр, двойник Чарли Мэнсона и даже некий Зарч из четвертого измерения...

– Да уж, понимаю, – сказал Гарольд.

Джоан снова выстрелила и промахнулась.

– Эта самодовольная сука понятия не имеет, о чем пишет. Последний заряд угодил кукле в лицо.

– Я не хотел тебя расстраивать, – сказал Гарольд, положив руку Джоан на плечо.

– А с чего ты взял, что я расстроена?

– Глория просто выполняет свою работу.

– А мы выполняем свою, только очень уж нелюбезно эта

Глория о ней отзывается.

Они влились в поток толпы.

– Может, покатаемся на машинках?

– Боюсь, в таком настроении ты собьешь кого-нибудь насмерть.

– Нормальное у меня настроение, – пробормотала Джоан.

– Пожалуйста, не проходите мимо!

Обернувшись, она увидела Джаспера Данна. Мертвенно-бледный старикан стоял на крыльце своего павильона и зловеще усмехался ей. Она ускорила темп.

– Не торопитесь так, мисс коп. Загляните вместе со своим замечательным кавалером к нам, и вашему взгляду предстанут невероятные, непостижимые уму вещи и чудеса из Музея Диковин Джаспера. Не проходите мимо, зайдите и увидите двуглавого младенца, лысого орангутанга с острова Борнео, настоящую мумию Рам-Хо-Тепи и много других таинственных и загадочных экспонатов. Вы будете дрожать от страха и удивления. Вы...

Она пошла дальше.

– Я бы зашел, – сказал Гарольд. – Разве тебе неинтересно посмотреть Музей Диковин Джаспера?

– Этот хмырь – отъявленный мерзавец.

– Он тебе что-то сделал?

– Этот его взгляд. Всякий раз, когда я прохожу мимо... Слава Богу, в основном он торчит в своем павильоне, и за все дежурство я его почти не вижу. Но ты не представляешь, как он обожает сверлить тебя странным взглядом и наслаждаться реакцией. Особенно у девушек.

– Он же рекламирует аттракцион, от которого мы будем «дрожать от страха и удивления». Так и должно быть, – возразил Гарольд. – Ты когда-нибудь там бывала?

– Только раз, когда одна из посетительниц упала в обморок.

– Должно быть, там и впрямь что-то поразительное. Не знаешь, отчего с ней такое случилось?

– Думаю, просто перегрелась на солнышке. Но когда я зашла, она лежала на полу с задранной до талии юбкой, а Данн стоял возле нее на коленях. Не могу быть уверена, что он делал что-то плохое, но он явно испугался, когда ее парень привел нас.

Она остановилась и оглянулась на павильон. Две молодые девушки поднимались по ступенькам, протягивая Данну билеты. Одна была довольно крупной, а другая, напротив, очень изящной. На ней был короткий топик и белые шорты.

– Смотри, – сказала Джоан, – держу пари, он сейчас увяжется за ними, держась почти вплотную. Чертов развратник.

И Данн действительно проскользнул в дверь вслед за девушками.

– Отвратительно. А ведь этому типу принадлежит еще и «Веселый домик». – Джоан кивнула в сторону двухэтажного здания рядом с Музеем Диковин. На неработающей неоновой вывеске над входной дверью стояла надпись: «Веселый домик Джаспера». Все окна были заколочены листами фанеры. – Я слышала, что он там в одном из коридоров установил решетки. На полу. Специально, чтобы прятаться под ними и заглядывать под юбки проходящим девушкам.

– Очаровательный тип. Поэтому лавочку и прикрыли?

Джоан покачала головой:

– Однажды вечером туда пробралась пара уродцев. Он выставлял их в Музее Диковин. Самые настоящие уроды. В смысле, люди, но с жуткими дефектами... Так я слышала. Так вот, двое из них сбежали и пробрались в «Веселый домик». Было это лет пять-шесть назад, я тогда еще жила в Стенфорде, эту историю мне рассказал Дэйв. Он говорил, что они напали на маленькую девочку с бабушкой.

– Ужас, – пробормотал Гарольд.

– Старушка сразу свалилась с инфарктом.

– А что с девочкой?

– Она не пострадала. Ее спасли оказавшиеся рядом моряки. Однако бабушка умерла, и пришлось Данну закрыть свое шоу уродов вместе с «Веселым домиком». Но никто не смог заставить его снести это здание.

– Наверное, надеется открыть его когда-нибудь снова.

– Ни капли не удивлюсь. Ведь в Музее Диковин нет реше-

ток в полу.

Гарольд снова посмотрел на «Веселый домик» и покачал головой.

– Думаю, мне бы там понравилось, – сказал он.

– Тогда это полный облом. Единственный аттракцион, который тебя заинтересовал, – и тот закрыт.

– Нет, ты не поняла. Я имел в виду немного другое. Когда я был ребенком, то ходил в Ривервью в Чикаго. И там был аттракцион типа «Веселого домика», назывался то ли замком, то ли дворцом Аладдина, не помню точно... но помню, что он мне очень нравился.

– Значит, не все еще потеряно. – Она взяла его за руку, и они двинулись дальше. – Значит, ты все-таки посещал луна-парки. В счастливом детстве...

– Прежде чем стать занудой.

Джоан улыбнулась:

– Расскажи побольше о своем детстве.

– Я был всегда слишком робок для счастливого детства.

– Подожди минуточку. – Она сжала его руку и с улыбкой помахала проходившим мимо двум офицерам. – Привет, Джим и Бет.

Те подошли, и Джим тут же уставился на ее ноги.

– Тебя за день не достало это место, чтобы еще и вечером приходить? – удивилась Бет.

– Так ведь Дэйв не позволяет мне кататься на «Урагане» во время дежурства.

– Точно, зато позволяет на него лазить, – съязвил Джим.

Она представила их Гарольду, и они пожали друг другу руки.

– Будь с ней поосторожнее, Гарри, – сказал Джим.

– Она такая хрупкая?

– У нее черный пояс.

– Да, но он не дает мне права избивать людей, – сказала Джоан.

– Ни в коем случае не позволяй ей приковать себя наручниками к кровати. Как только ты станешь беспомощен, тут она и применит свой опыт.

– Ты испытал это на собственной шкуре? – спросил Гарольд.

– В своих фантазиях, – ответила за него Джоан.

Бет пихнула Джима локтем в бок:

– Ладно, пошли уже, Казанова. Рада была познакомиться, Гарольд.

– И я тоже, – сказал Джим, хлопнув Гарольда по ладони. – У меня есть один совет для тебя, Гарри. Будь с ней жестче.

Гарольд улыбнулся и кивнул.

– Это были твои последние слова, – сказала Джоан.

– Поглядим.

Джим и Бет ушли, но прежде чем они растворились в толпе, Джоан увидела, как они переглянулись и принялись что-то горячо обсуждать. Она не сомневалась, что речь идет о ее кавалере, и что Джим точно не скажет о нем ничего хо-

рошего.

– Интересный парень, – сказал Гарольд.

– Весьма интересный.

По крайней мере Джим предпринимал какие-то попытки ее завоевать, подумала Джоан. Пусть она была к нему равнодушна и пришлось даже применить грубость, чтобы его отшить, все равно он хотя бы пытался.

– А это правда, насчет черного пояса?

– Да. У меня действительно есть черный пояс. С подвязками.

– Хочешь сладкой ваты?

– Еще как. Было бы здорово.

«Не разумнее ли все-таки от него избавиться?» – подумала она.

Он купил одну сахарную вату. Только для Джоан. Оторыв большой кусок, она отправила его в рот, чувствуя, как он быстро тает на языке.

– Расскажи еще об этом Ривервью, – сказала она. – Что тебе еще нравилось, кроме замка Аладдина? Может, американские горки?

– Я так и не рискнул на них прокатиться. Как и на «Свободном падении» и многом другом. Говорю же, я был очень робок.

– А на колесе обозрения?

– Боялся даже мимо ходить.

– А если я предложу отправиться на него прямо сейчас?

– Ой, не думаю, что это хорошая мысль.

– А я думаю иначе.

Табличка возле аттракциона гласила, что билет на двоих стоит пятерку. Джоан направилась к кассе. Гарольд поспешил следом.

– Джоан, послушай, мне совершенно не хочется кататься на этой штуке.

Джоан встала в очередь.

– Подержи, – велела она, передав ему сахарную вату. – Давай попробуем? Уверена, тебе понравится.

Он настороженно посмотрел на вату в своей руке и покачал головой. Джоан сняла с плеча сумочку, отыскала бумажник и взяла десятку.

– Если ты думаешь, что сможешь затащить меня на эту смертоносную штуковину...

– Послушай, дружок, все боятся высоты.

– И это говорит леди, которая забиралась на «Ураган».

– Забиралась. И боялась до усрачки. Но в любом случае я это сделала. Сделала потому, что должна была. Вот и ты должен прокатиться на колесе обозрения по той же причине.

– Ничего я не должен.

– Должен.

Она купила билеты и получила пять долларов сдачи.

Гарольд последовал за Джоан к очереди на колесо. С нервной улыбкой он вернул ей сладкую вату.

– Ты же не думаешь, что я на самом деле поеду на этой

штуке?

– Тебе понравится. Вот увидишь.

– Не понравится. По той простой причине, что я не поеду.

– Но ведь я уже купила билеты.

– Можешь прокатиться два раза. А я постою здесь, на земле, в безопасности, и подожду тебя.

Она посмотрела ему в глаза:

– Я хочу, чтобы ты прокатился вместе со мной, Гарольд.

Это же всего-навсего колесо обозрения. Я не собираюсь тащить тебя на «Ураган», «Свободное падение» или что-то в этом роде. Всего одна поездка на колесе. Она тебя не убьет.

– Не убьет лишь потому, что меня там не будет.

– Ну Гарольд, ну пожалуйста.

Его нервная улыбка сменилась досадливой гримасой.

– Не понимаю, чего ты добиваешься? Зачем так настаиваешь, чтобы я сел на это дурацкое колесо? Ради Бога, это же просто глупый аттракцион. Давай прекратим пререкаться. Какая тебе разница, прокачусь я на нем или нет?

– Очень большая разница, – сказала Джоан.

– А, понял. Так я докажу, что я настоящий мужчина. Это испытание такое, да?

– Можешь воспринимать и так, – ответила Джоан.

– Ладно, прокачусь на этой чертовщине, если это тебя осчастливит.

– Прекрасно, – пробормотала она, откусывая кусок сладкой ваты, и отвернулась. Чувствуя, как вата тает во рту, она

испытала желание разреветься.

Колесо обозрения вращалось на полной скорости: сверкали спицы, кабинки раскачивались, пассажиры визжали. Она увидела, что некоторые из них сидят обнявшись, и швырнула свою вату в мусорное ведро.

– Я же сказал, что поеду с тобой. – В голосе Гарольда прозвучало крайнее раздражение.

– Я слышала, что ты сказал.

– Тогда чего ты дуешься?

– Неужели ты совсем не умеешь веселиться?

– Ну прости, – проговорил он, хотя в его голосе не звучало ни малейшего раскаяния. – Боюсь, я действительно не большой весельчак. Наверное, тебе скорее следовало приехать сюда с одним из твоих приятелей-копов. Уверен, тот же Дэйв охотно бы прокатился на этом колесе.

– Уж он-то точно не стал бы ныть.

– Прекрасно. Теперь я еще и нытик.

– Ничего прекрасного.

– Бог ты мой.

– Ты ни разу даже не прикоснулся ко мне, Гарольд.

Он разинул рот.

– Бога ради, Джоан, – он огляделся по сторонам, будто опасаясь, что кто-нибудь мог услышать их разговор. Но стоявшие в очереди весело переговаривались, все заглушалось смехом, визгом, пальбой в тире и музыкой.

Никто и не думал их подслушивать.

– Что? – спросила Джоан. – Со мной что-то не так?

– Нет, конечно же, нет.

– Тогда в чем дело? Мы вместе уже не первую неделю. Ходим, держась за ручки, целуемся на прощание в щечку и желаем друг другу спокойной ночи. И все.

– Но я думал, что тебе нравятся именно *такие* отношения.

– Много ты понимаешь в...

– Любезные, вы проходить собираетесь?

Гарольд словно оцепенел.

Джоан поняла, что подошла их очередь.

– Мы можем не делать этого, если ты не хочешь, – сказала она.

Он лишь покачал головой и прошел в воротца. Работник забрал билеты у Джоан, и они с Гарольдом вышли на платформу, ожидая, когда к ним спустится ближайшая кабинка. Наконец она подъехала. Пока они забирались в нее, кабинка лениво покачивалась. Работник удостоверился, что они сели правильно, и закрепил поручень безопасности.

Кабинка слегка дернулась и поплыла вверх, но через некоторое время остановилась, чтобы в следующую кабинку могли сесть пассажиры.

Гарольд обеими руками вцепился в поручень.

Джоан положила ладонь ему на бедро, он перевел взгляд на нее. И тут же охнул, когда кабинка снова пошла вверх.

– Ну чего ты так боишься? – спросила Джоан. – Колесо обозрения абсолютно безопасно. Так же, как и я.

– Да-да, – пробормотал он.

Колесо поднималось все выше. Гарольд зажмурился, да так и сидел, цепляясь за поручень, упершись ногами в пол и плотно стиснув зубы.

– Расслабься, – похлопала его по плечу Джоан. – А то из-за тебя мне тоже не по себе становится.

– Извини, пожалуйста, – процедил он, не разжимая зубов.

– Эй, ты же не думаешь, что мы опрокинемся, если ты откроешь рот?

Он с шумом втянул в себя воздух, когда колесо совершило еще один оборот. Теперь они находились почти на самом верху.

Ну и вышотища, подумала Джоан. У нее было такое чувство, что все ее внутренности остались далеко внизу.

– Бог ты мой, – пробормотала она.

Весь променад был виден, как на ладони.

Если эта гадская кабинка действительно упадет...

– Я не из тех мужчин, – проговорил Гарольд, – которые достойны встречаться с такой девушкой, как ты.

– Это... Ой! – Колесо снова провернулось, и Джоан, что было сил вцепившись в поручень, осознала, что они находятся на предельной высоте. Кабинка раскачивалась взад-вперед.

Она вдруг поняла, что ей уже не так страшно.

Пусть они поднялись еще выше, зато земля скрылась из виду. Отсюда она видела покрытые лесом холмы, береговую

линию и фары машин на шоссе. Но променада, слава Богу, не было видно.

Ничего страшного внизу нет.

Ничего, обо что можно разбиться, если кабинка вдруг сорвется или опрокинется.

Самое главное – сидеть спокойно и не раскачивать ее еще сильнее.

Наконец они начали спускаться, и Джоан снова увидела променада. Чтобы не смотреть на него, она повернулась к Гарольду. Тот так и сидел, зажмурившись.

Мужик, подумала она, а трус.

Хотя мне тоже страшно.

Но не до такой же степени.

Она поняла, что это не стало для нее новостью. Только подтвердило ее подозрения. Быть может, она для того и привезла его сюда. Чтобы вырвать его из воображаемого мира и... Вывести на чистую воду. Конечно, она это не задумывала, скорее всего, идея зародилась где-то в глубине подсознания, но именно поэтому она отказалась от похода в кино и настояла на поездке в Фанленд.

Колесо продолжало движение, опуская их все ниже и ниже. Но Джоан уже не пугалась, когда через каждые несколько футов оно останавливалось. Опустив их до самого низу, колесо снова стало набирать высоту. Страх, сидевший в Джоан, прошел. Они сделали еще один круг и снова начали спускаться вниз.

Все правильно, думала Джоан. Ко всему нужно сперва немного привыкнуть.

Может, и с Гарольдом надо так же. Просто затащить его в постель, а дальше все само образуется.

Неплохая идея. Браво. Ладно, допустим, этот его страх я переборю. А что делать со всем остальным?

Она прекрасно понимала, что никогда не сможет положиться на него, почувствовать себя с ним как за каменной стеной. В их паре роль сильнейшей досталась ей. Роль лидера.

Скорее мамочки, чем любовницы.

Нет уж, спасибо.

Наконец, колесо обозрения остановилось, и они вылезли.

– Можешь отвезти меня домой? – спросила Джоан, когда они оказались на променаде.

– Я, наверно, тебя расстроил, – сказал он.

– Вовсе нет. Все нормально.

– Но все же я проехался на этом колесе.

– Да уж. Все-таки ты очень смелый, раз смог набраться храбрости и сделать это.

– А насчет остального...

– Ничего страшного, – перебила Джоан. – Я прекрасно все понимаю.

Она взяла его за руку. Пройдя через весь променад, они покинули Фанленд и оказались на стоянке. Гарольд открыл перед Джоан дверь автомобиля, а когда она расположилась

на сиденье, обошел капот и уселся на место водителя, даже не взглянув на нее.

Они вырулили со стоянки.

– Я как чувствовал, что не светит нам сегодня посмотреть «Макбета», – сказал он.

Джоан промолчала.

– Может, остановимся где-нибудь, перекусим на сон грядущий?

– Нет, спасибо. Что-то я себя неважно чувствую. Лучше отвези меня домой.

– Но мы еще должны обсудить...

– Как-нибудь в другой раз, ладно?

– Ладно.

Подъехав к ее дому, он свернул на обочину и заглушил мотор, после чего повернулся к Джоан:

– Я пойду с тобой, – сказал он. В тусклом свете фонарей она видела нервную улыбку на его лице.

– Не сегодня, – сказала она. – Мне правда неважно.

– Джоан, прошу тебя.

– Я позвоню.

Она хотела похлопать его по колену, но, заметив, что он собирается перехватить ее запястье, отдернула руку и распахнула дверь автомобиля.

– Не уходи вот так. Пожалуйста.

– Все в порядке, – сказала она. – Я позвоню тебе.

Она вышла из машины, захлопнула дверь и поспешила к

своему дому.

Робин проснулась, не веря, что фильм уже закончился. Она пришла в кинотеатр с небольшим опозданием и пропустила начало новой картины о Джеймсе Бонде, так что по окончании сеанса решила не уходить и досмотреть пропущенное. Когда дойдет до момента, с которого она начала, Робин собиралась уйти.

Она много чего собиралась сделать.

Очевидно, она задремала и проспала весь сеанс. В зале зажегся свет, зрители покидали свои места.

Спасибо, хоть никто не обобрал. Видно, не зря она крепко держалась за лямку своего рюкзака. Банджо тоже было на месте, стояло на полу между ног.

Отодвинув его, она встала и закинула на спину рюкзак.

В туалете никого не оказалось, и Робин посвятила несколько минут умыванию и чистке зубов.

Вестибюль также практически пустовал – в кинотеатре не осталось никого, кроме нескольких работников, готовившихся к закрытию. Подростки. Они стояли на улице у стеклянных дверей и разговаривали.

– А он такой: «Не стану я тебя убивать», а я такая: «Черта с два, Джой», – рассказывала одна из девушек.

– Надеюсь, так оно и было, – отвечала другая, – вот козлина.

Робин открыла дверь плечом и вышла на улицу, где ее сразу встретил порыв холодного ветра, проникший под рубашку. Поеживаясь, она торопливо зашагала по улице, пока не оказалась возле неосвещенного входа в магазин. Там она остановилась, расстегнула рюкзак и достала ветровку из тонкого нейлона. Надев ее, вытащила из бокового кармашка рюкзака нож в чехле и сунула в задний карман джинсов.

Затем она снова взвалила рюкзак на плечи, взяла банджо и пошла дальше. Посреди улицы снова остановилась. Машины уже не ходили, лишь несколько автомобилей стояло у тротуара. Чуть дальше, на повороте, какой-то мужчина выгуливал собаку. Больше Робин не видела никого. Ни в одном окне не горел свет, все рестораны и магазины закрылись на ночь.

Она перешла на другую сторону улицы и направилась на юг, в сторону променада.

Это оказался один из тех районов, которые после наступления темноты вымирают.

Впрочем, сейчас уже гораздо позже, чем просто «после наступления темноты», напомнила она себе.

Тем не менее ей показалось странным, что в таком притягательном для туристов месте, как Болета-Бэй, все заведения закрываются в такое время.

«Интересно, который час?» – подумала она. Скорее всего, уже за полночь.

Значит, Фанленд тоже закрыт.

Сама не зная почему, она почувствовала укол страха. Ей

вспомнились слова того полицейского о банде подростков.

Пусть только сунутся, подумала она. Сразу отведают моего ножа.

С каждым шагом она ощущала, как его лезвие упирается в ягодицы.

Это был охотничий нож ее отца.

Он уже не раз выручал ее. Как правило, достаточно было вовремя его выхватить – и вопрос исчерпан.

Пустить нож в ход ей пришлось только один раз. Это произошло на автобусной станции в Сан-Франциско. Она подрабатывала там, моя посуду по ночам. Однажды к ней вломился какой-то парень, прижал Робин к стене, разорвал рубашку и попытался стянуть джинсы. У нее не было другого выхода, кроме как сунуть ему нож между ребер. Он проговорил: «Смотри, что ты наделала...» – и рухнул на колени.

Несмотря на теплую ветровку, при одном воспоминании о той ночи Робин почувствовала, как ее сковывает холодом.

Она перешла другую улицу, оставив спальный район позади. Здесь уже не было деревьев, выстроившихся вдоль дороги. Вместо них стояли фонарные столбы с натриевыми лампами. Начали появляться бутики, чайные лавки, рестораны, пекарни и книжные магазины. Практически половину улицы занимал универсам «Вулворт», а через дорогу от него находились магазин автозапчастей и заправка, где Робин съела чизбургер с чашечкой кофе, перед тем как отправиться в кино. Сейчас уже ничего не работало, хотя кое-где горел

свет. Стальные ворота магазина запчастей были заперты на замок.

А в следующем квартале ей стали попадаться бомжи. Один растянулся на скамейке автобусной остановки. Другой свернулся калачиком у входа в телемастерскую.

Робин переложила банджо из левой руки в правую, чтобы в случае опасности было легче добраться до ножа в кармане.

Но ни один из бомжей, похоже, не обращал на нее внимания, и она продолжала идти.

Уже на подходе к перекрестку она услышала скрипучий звук колес и догадалась, что это, должно быть, тележка из супермаркета. Судя по звуку, она была достаточно далеко. Свернув за угол у винного магазина, Робин посмотрела направо и увидела сгорбленную старуху, толкавшую перед собой эту самую тележку. Тележка была доверху завалена каким-то хламом, и Робин поспешила отвести взгляд.

– Иди ко мне, принцесса!

Она ускорила шаг.

– Иди ко мне! У меня для тебя кой-чего есть! Не убегай!

Робин не оглядывалась.

– Тогда чтоб тебе кровью умыться! Кровью!

Перейдя на другую сторону тротуара, Робин оглянулась через плечо и увидела, что старуха роется в мусорном контейнере.

Робин запыхалась. Сердце отчаянно стучало в груди.

До чего же они жуткие, подумала она.

Многие из бомжей, вроде той старухи, едва походили на людей. Скорее на... инопланетян каких-нибудь. Замотанные в тряпье и бормочущие что-то на тарабарском языке, они блуждают в темноте... От таких лучше держаться подальше.

Не позволяй им себя запугать, подумала она. В конце концов, они все-таки люди.

Тут она заметила еще одного. Он стоял на другой стороне улицы, но Робин все равно почувствовала, как по спине побежали мурашки. Он замер, прямой и неподвижный, прильнув спиной к тускло освещенной витрине комиссионки и вытянув руки по швам. Темное пальто доходило ему до колен, под ним белели голые ноги. Такой же бледной была и безволосая голова. И он, похоже, в упор глазел на Робин.

Ну это уж курам на смех, сказала она себе. Я ведь даже не могу разглядеть его глаз.

Одни лишь темные дыры.

И тем не менее она ощущала на себе его пронизывающий взгляд. От него бросало в дрожь. На мгновение ей представилось, как он бросается к ней через дорогу, хватает и тащит в какой-нибудь закуток...

Это обыкновенный человек. Я и так достаточно натерпелась страху сегодня.

Пройдя немного вперед, она обернулась и снова посмотрела на него.

Тут таких до хрена и больше.

Казалось, городок поразила какая-то бомжовая эпидемия.

Неудивительно, что подростки сколотили банду. Они тоже боятся их. Вот и решили избавиться от этих страшилищ. Трудно их осуждать.

Если даже тут все кишит бомжами, подумала Робин, то ли еще будет на пляже.

Пожалуй, надо было прислушаться к совету Дэйва и заночевать в мотеле.

Впрочем, может, и обойдется. Если излюбленное место тех подростков – променад и пляж, то все бомжи небось давно оттуда разбежались. Наверное, поэтому их так много здесь: это изгнанные из своих логовищ «беженцы».

Послышался шум приближающейся машины. Она проехала по правой стороне и сбросила скорость. На крыше мигал проблесковый маячок. Полицейские.

Робин обернулась. Тип в плаще так и стоял столбом, вперив в нее взгляд.

Но уже не возле комиссионки.

Теперь он стоял гораздо ближе.

Патрульная машина остановилась.

– Позвольте с вами пообщаться, – окликнули Робин из окошка со стороны водителя.

Она сошла с тротуара и направилась к автомобилю. Наклонившись к окошку, она увидела двоих мужчин в форме. Оба на вид не старше самой Робин. Оба усаые. Тот, что сидел на пассажирском сиденье, прихлебывал из бумажного стаканчика.

Нормальные люди.

Но копы. А слово «копы» частенько созвучно слову «проблемы».

Дэйв был, пожалуй, приятным исключением.

– Чем могу быть полезна, офицеры? – спросила Робин.

– Поздновато бродить по улицам, – сказал тот, что за рулем.

– Я только что из кино.

– Смотрели про Бонда? – спросил другой полицейский. – Баракло.

– Ну да, тот парень явно не Шон Коннери⁷.

– И куда путь держите? – осведомился тот, что за рулем.

– На пляж.

– Не лучшая идея.

– Знаю. Меня уже предупредили о возможных опасностях. Знаете офицера по имени Дэйв?

– Карсона-то? Еще бы! Он рассказывал вам про «тролльную охоту»?

Робин кивнула.

– Садитесь в машину, мы вас подвезем.

– Спасибо.

Несмотря на то что ее сердце забилося быстрее, Робин открыла заднюю дверь, закинула в салон рюкзак, уселась са-

⁷ Очевидно, Робин и полицейские имеют в виду Тимоти Далтона, игравшего агента 007 с 1985 по 1989 год. Многие, напротив, считают его одним из лучших исполнителей этой роли. (Прим. редактора.)

ма и, положив банджо на колени, захлопнула дверь за собой. Полицейские внушали доверие, но кто знает, можно ли на самом деле им доверять? Тут она целиком в их власти. Тем не менее копам лучше не перечить, а делать, как они говорят. Одно из золотых правил, которые она выучила назубок и которых придерживалась в любой ситуации.

По крайней мере они заберут ее от того ублюдка.

Машина свернула за угол.

– Премного благодарна, – сказала она. – А то эти бомжары заставили меня хорошо понервничать.

– Большинство из них тихони и вряд ли способны причинить вред, – заметил сидевший за рулем полицейский.

Второй коп повернулся и посмотрел на нее.

– Подростки, вот кого нужно опасаться, – сказал он.

– Ну, если честно, то бомжи несколько раз уже на меня нападали.

– Позволь спросить, давно ты так кочуешь по городам и весям?

– Пару лет.

– Тяжко небось приходится?

– Меня все устраивает. Впереди целая жизнь, уверена, я обязательно обживусь где-нибудь.

– Ты поосторожнее, вокруг ошивается столько разного сброда...

– От родителей сбежала? – спросил коп за рулем.

– Мне уже перевалило за восемнадцать, так что не думаю,

что это имеет какое-то значение, верно?

– А родня хоть знает, где ты находишься?

– Отец умер, а матери своих забот хватает.

– Кошмар, – сказал второй полицейский.

Робин пожала плечами.

– Чем на хлеб зарабатываешь? – спросил водитель. – Я так понял, ты уличный музыкант?

– Ну да, играю на банджо. По крайней мере эту неделю.

– Собираешься задержаться здесь на неделю? – спросил полицейский за рулем.

– Здесь такой классный пляж... А вообще не знаю. Как получится.

Но скорее всего, я уеду уже завтра, подумала она. Подальше от этой орды бомжей.

– Смотри в оба, опасайся банды троллеров, – сказал второй полицейский.

– Думаю, если уж нарвусь на них, то постараюсь согреть им сердце своей музыкой.

– Какое там сердце у этих засранцев! – буркнул коп за рулем и тут же добавил: – Прости за выражение. Не то чтобы я горой стоял за бродяг, но...

– Да от них тут одна только вонь, – вмешался второй.

– Но они имеют право на то, чтобы их оставили в покое.

– Оно, конечно... – Он вдруг отвернулся от Робин. Она услышала, как им что-то передавали по рации, но треск и щелчки мешали разобрать слова.

– Говорит четырнадцатый, – сказал второй коп. – Мы выезжаем.

Автомобиль свернул к обочине.

– Извини, но придется высадить тебя здесь.

Робин распахнула дверцу.

– Спасибо, что подвезли, – сказала она и, подняв с сиденья рюкзак, вылезла из машины.

– Береги себя.

Она захлопнула дверь. Мигалка на крыше вспыхнула голубым светом, и автомобиль умчался.

На углу улицы, где она стояла, находился мотель «Приют путешественника» с голубым неоновым табло, извещавшим, что имеются свободные места. Рядом было припарковано несколько машин. Через дорогу находился супермаркет, он еще работал. Возле него остановился автомобиль, из него вылез мужчина и направился в супермаркет. У пикапа на краю парковки собралась стайка молодежи. Одни сидели на капоте и бампере, другие стояли рядышком, курили, смеялись, болтали, пили из бумажных стаканчиков. Из салона гремела музыка.

Робин заинтересовало, что они делают здесь в такой поздний час.

А не те ли это самые троллеры?

Впрочем, вид у них был безобидный.

Оставшийся позади квартал был тих и пустынен; проклятое кладбище, полное шаркающих зомби. А здесь улицы

прекрасно освещались и были шумными. Местность открытая, вокруг ходят нормальные люди, ездят машины.

Робин пошла вперед и свернула за угол. Впереди, всего в паре кварталов от мотеля, высилась освещенная арка Фанленда. Лунный свет играл на лице клоуна над воротами.

Робин направилась туда, минуя многочисленные мотели, закусочные, бары, винные магазины, выстроившиеся по обеим сторонам улицы. Тут и там сновали люди.

Увидев на тротуаре заросшего бомжа, который сидел, прислонившись спиной к стене сувенирной лавки, Робин не испытала ни капли страха. Когда она проходила мимо него, бродяга опустил бутылку, завернутую в бумажный пакет, и прохрипел:

– Подайте четвертак на чашечку кофе?

Достав из кармана джинсов долларовую купюру, Робин протянула ее бомжу, и тут же отдернула руку, избегая его прикосновения.

– Госпди благслви, – скороговоркой пробубнил он.

Робин поспешила дальше.

Оглянувшись, она увидела, что бомж остался сидеть на своем месте. Вдалеке молодежь по-прежнему кучковалась вокруг пикапа, но с такого расстояния музыка доносилась слабо.

Робин перешла дорогу и оказалась между автостоянкой и входом в Фанленд. Билетные будки были закрыты. На парковке стояло несколько машин. У одной было спущено коле-

со. «А у других что, аккумуляторы сели?» – почему-то подумала Робин. Или они стоят здесь по какой-то иной причине? Может, хозяева просто не хотят их забирать?

Окно ближайшего «Шевроле» отчего-то запотело изнутри, и Робин постаралась скорее от него отойти: вдруг кто-то поднимется с сиденья, прижмется лицом к стеклу, заметит ее...

Не разумнее ли будет пойти назад, размышляла она, и заселиться в один из тех мотелей? Всего на одну ночь.

Не будь мокрой курицей.

Я смогу позаботиться о себе.

Она прошла через стоянку и поднялась по лестнице. Освещенное лунным светом лицо клоуна приветствовало ее улыбкой.

Той же ночью, только немного раньше, Джереми лежал дома в своей кровати.

Когда зазвонил будильник, он с размаху кинул в него подушкой. Без двадцати час. Будильник будет звонить еще пять минут, если его не выключить. Придется вставать.

Поспать так и не удалось. Он ворочался и метался на постели, а в голове бурлили воспоминания о Ковбое, о променаде, о пляже, о Тане – вперемешку с любопытством, надеждами и болезненными фантазиями... опять же о Тане. Его трясло. Он потел. Он так вертелся, что несколько раз пижама перекручивалась вокруг тела, отчего швы врезались в подмышки и пах. Не выдержав, он снял ее. Но собственная нагота до того обострила возбуждение, что он почел за лучшее снова одеться.

Еще никогда два часа ожидания не казались столь долгими и столь чудесными.

Но наконец они миновали.

Вернувшись к постели, он сложил две подушки и накрыл их одеялом – на случай, если мама решит проведать его, скажем, по дороге в туалет.

Он снял влажную от пота пижаму и спрятал под одну из подушек.

Весь дрожа, он опустился на колени и вытащил из-

под кровати подготовленную заранее одежду. Ковбой велел одеться во все темное, прибавив, что «дубак будет как у эскимоса в жопе», и посоветовал прихватить с собой нож, а то мало ли что.

Слова о ноже заставили Джереми призадуматься.

– Бога ради, что мы там будем делать? – спросил он.

– Да просто для понту. И потом, ночью всякое случается, надо быть во всеоружии.

Ясное дело, ничего хорошего ребята не замышляют. Кто же станет сбегать из дома по ночам и собираться в час ночи у входа в луна-парк, просто чтобы потусоваться и поболтать? Джереми хотел расспросить Ковбоя поподробнее, но не стал, опасаясь, как бы тот не счел его чересчур подозрительным. Да какая, к черту, разница, что они там будут делать? Главное – быть с ними.

Одним из них.

Он хотел примкнуть к ним во что бы то ни стало.

Джереми натянул трусы и темно-синие джинсы, похлопав предварительно по карману, дабы убедиться, что ключи и нож на месте. Потом надел футболку и синюю ветровку. Остались только носки и кроссовки, которые дожидались его на выходе.

Он выглянул в темный коридор, посмотрел в сторону материной спальни.

В старом доме во время ночных вылазок Джереми приходилось пробираться мимо ее комнаты на цыпочках. А здесь

комната матери находилась в самом конце коридора. Совсем другое дело!

Джереми прокрался к входной двери и осторожно снял цепочку. Она, конечно же, забренчала, но не сильно. Дверь открылась почти беззвучно, благо он смазал петли перед ужином, пока мать принимала ванну.

Что еще было хорошего в новом доме, так это наличие веранды. Там, в углу, Джереми уже ждал велосипед. В старом доме велосипед приходилось держать в гараже, так что Джереми никогда не пользовался им в своих ночных вылазках.

Опираясь о перила крыльца, он надел носки и ботинки, взял велосипед, аккуратно выкатил его и спустился по ступенькам.

Улица была освещена фонарями и луной, но под деревьями, там, куда свет не пробивался, стоял непроглядный мрак. На крылечках некоторых домов горел свет, но большинство окон были темными. Разумеется, кругом не было видно ни души.

Ветер обдавал прохладой лицо и руки. Он веял со стороны океана, влажный и освежающий, но в то же время вызывал у Джереми тревогу, напоминая, какое расстояние предстоит преодолеть в ночи одному. Внезапно тревога совсем одолела его, и на мгновение он пожалел, что выбрался из постели.

Ничего, скоро я окажусь среди ровесников. Это будет здорово.

Дрожа от холода, Джереми оседлал велосипед, оттолкнул-

ся ногой от тротуара и покатил вперед. Свернув в соседний переулок, он взглянул на наручные часы. Без десяти час.

Спустя короткое время Джереми оказался возле берега у входа в Фанленд. В кустах под забором мирно почивал какой-то забулдыга, но, кроме него, поблизости никого не было.

Наверное, я просто приехал раньше всех, подумал Джереми.

А может, они встречаются в самом парке, чтобы не «светиться».

Он остановил велосипед на стоянке, спрыгнул с него и, защелкнув замок, направился к арке. Почти бегом преодолев лестницу, он очутился прямо под клоунской физиономией и стал оглядываться по сторонам. В темноте просматривалась билетная будка и небольшой участок променада за ней, но ни одного человека вокруг.

Джереми снова посмотрел на часы. Две минуты второго.

Немного подумав, он тихонько двинулся дальше, мимо билетной будки и магазинчика со сладостями и газировкой. Остановившись посреди променада, еще раз огляделся. Отсюда ему открывался вид на всю территорию Фанленда, не считая тех мест, которые скрывались в тени, но он по-прежнему не видел ни одной живой души.

Ну и где они?

Поблизости их нет, это точно. Может, затаились где-нибудь, чтобы тихонько подкрасться и напугать?

Джереми ждал. Никто не появлялся.

«А вдруг все это злой розыгрыш?» – подумал он. Вдруг они вовсе и не намерены показываться, а его сюда вызвали только чтобы посмеяться, потому что с первого взгляда догадались, какая он тряпка?

Он прислонился спиной к билетной будке. Где-то в отдалении кричали чайки. Волны, бледные в лунном свете, с шумом разбивались о берег. Он чувствовал себя маленьким, замерзшим и ужасно одиноким.

Надо было сразу сообразить: это *слишком* хорошо, чтобы быть правдой, думал он.

Наверняка Танина затея.

Таня.

Джереми сел и прижал колени к груди.

Розыгрыш. Знай свое место, задрот. Все это время они смеялись у меня за спиной.

А что если все они просто опаздывают?

Ага, конечно...

Он приподнял рукав куртки и включил подсветку часов. Двенадцать минут второго.

Они могли задержаться, сказал он себе. Подожду до полвторого, а там уже...

Послышались чьи-то тихие, но быстрые шаги.

Они пришли!

Пасмурное настроение как рукой сняло. Он поднялся и вышел из-за билетной будки, подняв руку в знак привет-

ствия.

Девушка, находившаяся от него на расстоянии всего нескольких шагов, вскрикнула и замерла на месте. На ней был рюкзак и чехол с каким-то музыкальным инструментом, скорее всего банджо. Лицо ее в темноте казалось смазанным пятном, но для Лиз она была слишком худощава, а для Тани – мала ростом.

– Извини, если напугал, – сказал Джереми.

Она обернулась и огляделась по сторонам.

– Остальные еще не подошли.

Она снова посмотрела на Джереми:

– Так ты один из этих?

Он ощутил себя идиотом. На плечах у этой девушки был солидных размеров рюкзак, а в зажатом в руке чехле – банджо. Она точно не из местных. Уличный музыкант, бродяжка – вот она кто.

– Смотри кого ты имеешь в виду под «этими», – сказал Джереми, а сам подумал: о чем это она?

– Троллеров.

– Не понимаю, о чем ты, – пожал он плечами. – Что еще за троллеры?

Девушка снова огляделась по сторонам, после чего подошла к Джереми:

– Уйди с дороги, малыш.

Это была вовсе не робкая просьба. Это был приказ. И Джереми покорно сделал шаг в сторону.

Она прошла мимо, снова огляделась и сбежала вниз по лестнице.

Когда она оказалась внизу, Джереми мог видеть только ее макушку. Спустя несколько секунд в поле зрения снова возникли ее голова, плечи и рюкзак. Она обернулась, и Джереми ощутил где-то в груди резкий укол страха. Но девушка лишь смотрела на него несколько секунд, отступив на пару шагов, а потом снова отвернулась и зашагала в направлении пляжа.

– Сука, – прошептал Джереми.

Уйди с дороги, малыш.

Хули она тут раскомандовалась?

Надо было не сходить с места и выдать что-нибудь вроде: «Да ну? А ты меня заставь!»

А она улыбается, она же у нас крутая, опускает свое бандро, скидывает с плеч рюкзак и стягивает ветровку, а под ней – одна тоненькая футболочка. И вот уже она, задрав руки над головой, снимает и ее – потому что только так она любит драться – и стоит перед ним в одних джинсах...

Джереми представил ее голой по пояс, кожа кремовая в свете Луны, только пятнышки сосков темнеют. Она медленно подходит к нему. Слегка пригибается, раскинув руки, точно рестлер на ринге...

«Не заставляй меня делать тебе больно», – говорит он.

«Хочешь помахаться?» – спрашивает она.

Да уж, это было бы нечто. Бороться с ней, повалить на землю и...

Но, конечно, еще лучше, если бы на ее месте была Таня.

Как насчет этого – побороться вот так с Таней?

Да она меня по асфальту размажет.

Плевать, оно того стоит.

Черт, ну где же она?!

Кто-то хлопнул Джереми по плечу сзади, отчего тот вздрогнул и обернулся.

– Здорово я к тебе подобрался по-индейски? – спросил Ковбой.

– Черт, ты напугал меня до усеру.

– Скажи спасибо, что это оказался я. Если стоишь здесь в одиночку – держи ухо востро, ведь тут ходит много опеэдов, и все рады тебя захавать...

– Где остальные?

– Дома в постельках, надо думать...

– А что случилось?

– Сегодняшнюю вылазку отменили.

Все-таки я оказался прав, подумал Джереми. Они не презирают меня. Просто у них изменились планы.

Он почувствовал, как к горлу подкатил комок, защемило глаза, захотелось разреветься. Он не мог понять, из-за чего это чувство: то ли от облегчения, то ли, наоборот, от разочарования, что сегодняшняя встреча не состоится.

– Как это? – спросил он.

– Из-за клятой статьи в «Стандарте». Не читал?

Джереми покачал головой.

– Какая-то коза-журнашлюшка накатала про нас статейку. Такой пурги нагнала! Нейт подумал-подумал, да и решил, что нынче тут может быть жарковато. Ты, кстати, не встречал поблизости копов?

– Не-а, – ответил Джереми. Он хотел было рассказать Ковбою про девушку, но передумал.

– Честно говоря, по мне так не стоит из-за этой статьи заморачиваться. Но Нейт, понимаешь, осторожность любит. Побоялся, что сегодня здесь могут устроить засаду или типа того. Сыграть по-крупному и таки взять нас. Короче, он позвонил Тане и посоветовал отменить веселуху.

– Я не вполне понимаю, – сказал Джереми.

– Да ладно, Герцог, как думаешь, зачем я сюда пришел? Ответ прост: ты б проторчал тут всю ночь, а вечеринка сорвалась.

– Что ж, спасибо.

– Я бы и раньше подошел, но сам понимаешь, дела, то-се...

– Да ладно. Лучше поздно, чем никогда.

– Ты часом не подумал, что мы про тебя забыли?

– Честно говоря, была такая мыслишка.

– Пошли-ка отсюда, пока не допрыгались.

Джереми направился вслед за Ковбоем к выходу.

– Допрыгались до чего? – спросил он.

– Тролли, мужик.

Джереми вспомнил вопрос девушки насчет троллеров.

– Что еще за тролли? – спросил он.

– Ну тролли, будто не знаешь?

– Типа чудищ, что живут под мостами?

– Прямо в точку, Герцог. Под мостами, под променадом, на пляже, короче – везде, где только можно. Они как тараканы. Засядут в укромном местечке, а потом как выскочат, как выпрыгнут...

– Это же бабушкины сказки.

– Я что, по-твоему, похож на бабушку? – Ковбой пихнул его локтем в бок и расхохотался.

Они сбегали вниз по бетонной лестнице, и Джереми кивнул в сторону стоянки, на которой оставил велосипед.

– Я говорю не о тех троллях из сказок, – сказал Ковбой. – Я говорю о бомжах, чудилах и алконавтах, вроде того, что цеплялся к тебе сегодня, пока я не подошел.

– Это был тролль?

– Так точно.

Подойдя к своему велосипеду, Джереми полез в карман брюк за ключом, как вдруг обратил внимание, что его велосипед – единственный на стоянке.

– А ты как сюда добирался? – спросил он Ковбоя.

– Пехом. Кстати, в следующий раз тоже не пользуйся великом.

В следующий раз!

– А когда следующий раз? – спросил Джереми, стараясь не выдать голосом волнения.

– Да кто знает? Таня, та хоть каждую ночь бы устраивала, да Нейт не позволит. Допустим, завтра.

– Внесите меня в список участников, ладно?

– Ясен пень, Герцог.

Улыбаясь, Джереми присел, чтобы открыть замок.

– Но про велик забудь, – напомнил Ковбой. – Никогда не знаешь, как карта ляжет. Вот придется уносить ноги побыстрому, а велик станет лишней обузой, придется бросить.

– Ладно, в следующий раз приду пешком. – Джереми открыл замок, размотал цепь и выкатил велосипед из стойки. – Кстати, мы ведь можем встретиться и пойти вместе, а?

– Прости, старик. Ты парень что надо, конечно, а только ты – не Лиз.

– А, понял. Ну что ж, нет проблем.

Они пошли вдоль улицы. Джереми катил велосипед рядом с собой.

– Расскажи все-таки, чем вы занимаетесь, когда встречаетесь здесь? – спросил он.

– Развлекаемся по-свойски.

– Вы... троллеры?

– И снова в самую точку, Герцог. Они тролли, а мы – троллеры.

Джереми кивнул. Все его догадки оказались ошибочными. Даже самые безумные.

– Так что же вы делаете? – допытывался он. – Устраиваете на них охоту?

– Мне больше по душе слово «рыбалка». Оно ведь как ведется? Сперва заманиваем их. Типа, на крючок. Таня, кстати, отличная приманка. И вот один из троллей глотает наживку... барабанная дробь... Он наш! Дальше уж мы оттягиваемся с ним на всю катушку. Ну, или с ней.

– То есть вы избиваете их, или что?

– Или что. – Ковбой повернулся к Джереми. Глаза его были скрыты под полями шляпы, но губы сжались в тонкую линию. – У тебя что, проблемы с этим?

– У меня-то? Вовсе нет, я бы сам с радостью отмудохал этих уродов.

Губы Ковбоя расплылись в улыбке:

– Я сразу распознал тебя, Герцог. Я видел твое лицо, когда эта паскудина подвалила к тебе на променаде. Ты тогда чуть в штаны не навалил с перепугу.

– Эй, да я...

– Да, парень, ты так был напуган, что чуть не обосрался. Но это не все. Кроме испуга, я прочел в твоих глазах, как тебе хочется выдрать из его груди сердце и запихать ему прямиком в его Сριο-Гранде.

Джереми с облегчением улыбнулся:

– Правда?

– Ты сам это знаешь, мужик. Вот и все в нашей команде – так же. Это червие, от него у всех мороз по коже, а они не имеют никакого права подходить к нормальным людям. Что они могут сделать полезного – забиться в какую-нибудь

нору, желательно поглубже, и там подохнуть.

– Но они этого не делают, – сказал Джереми.

– Бляха, нет, конечно. Единственное, что они делают, так это выползают из своих нор и пристают к таким, как мы: «Не найдется ли четвертака, дружище? – пискляво заканючил Ковбой. – Я бедненький... неделю не жрамши... Прояви милосердие...» А потом понимаешь, что эта мразота еще и пытается тебя облапать, если не полез в карман за монетами.

А ведь так оно и есть, подумал Джереми.

– Понимаешь, о чем я? – спросил Ковбой.

– Конечно.

– Я говорю: «Хер тебе, а не милосердие, тролль». Понимаешь, что это значит?

– Что он не получит от тебя монету?

– И это тоже, Герцог. Но на самом деле это значит, что он никакого *милосердия* от меня не дождетя.

– Бакстер.

– А? Что?

– Просыпайся.

Со стоном он открыл глаза. В номере мотеля было темно. Он лежал на боку, чувствуя, как горячее тело Ким прижимается к его спине.

– Что такое? – пробормотал он.

– Давай же поднимайся, – прошептала она, щекоча его шею теплым дыханием.

– Но ведь ночь еще... Или нет?

– Чуть больше трех часов, – сказала она.

– О Боже.

– Вставай и выходи, хорошо?

– Выходить?

– К пляжу. Мы должны побывать там вдвоем.

– С ума, что ль, сошла?

– Поверь, это будет здорово.

– Нет уж. Даже не думай.

– Ну пожалуйста, – она коснулась губами его щеки, лаская руками его грудь и живот. – Это будет так романтично. Мы встретим восход солнца вдвоем.

– Чертов пляж, – пробормотал он.

– Что ты, вовсе он не чертов. Только представь, это оста-

нется одним из самых ярких воспоминаний в нашей жизни. Наше первое утро вместе, проведенное на берегу пляжа во время восхода солнца.

– Это не первое наше утро.

– Первое с тех пор, как мы стали мужем и женой. И я очень хочу, чтобы оно было особенным.

– Мы себе задницы отморозим.

– Об этом не волнуйся. Захватим с собой одеяло, идет? Ну пожалуйста... – Ее рука украдкой скользнула ему в трусы. – Обещаю, твой большой друг останется очень доволен.

– Да?

– Да, – сказала Ким. – Что скажешь?

– Но это же безумие.

– Обещаю, тебе понравится.

Матрас закрипел, когда она откатилась и соскочила с кровати. Свет щипал Бакстеру глаза не хуже мыльной пены. Он зажмурился. И тут же почувствовал, как с него сдернули одеяло, оставив практически голым.

– Ой, Господи!

– Хоп! Хоп! Хоп! – покрикивала Ким, за лодыжки стаскивая его с кровати.

Прищурившись, он посмотрел на нее. Ким взирала на него сквозь упавшую на глаза челку; на ее плече алел след засоса. Она отпустила ноги мужа, и он сел.

– Кто оденется последним, тот тухлое яйцо, – сказала она.

– Считаю меня тухлым яйцом, – ответил он, сидя на полу и

наблюдая, как Ким открывает чемодан. Ее ягодичы, покрытые (за исключением небольшого треугольника посередине) таким же золотистым загаром, как и спина, и ноги, слегка колыхались.

Ну и пускай там немного холодно, подумал он. Все равно классно. Она права. Будет потом что вспомнить.

Ким надела серые мешковатые спортивные штаны и теперь, нагнувшись, возилась со шнурком на талии. Затем она вытащила из чемодана толстовку и повернулась:

– Так и будешь сидеть на полу?

– Залюбовался.

Он смотрел на ее грудь, когда она, подняв руки, натягивала толстовку. Грудь слегка покачивалась, когда Ким безуспешно пыталась попасть в рукава. Наконец она надела толстовку и расправила ее на талии.

– Я готова, – сказала она.

– Эх...

Ким взяла с тумбочки расческу и направилась в ванную. Когда она скрылась, Бакстер поднялся и стал натягивать тренировочный костюм. Такой же, как у Ким, только поновее. Бакстер купил его, когда Ким перебралась к нему и стала вытаскивать его с собой на утренние пробежки. Когда она вышла из ванной, он уже заканчивал завязывать шнурки.

Он зашел в ванную почистить зубы. На полочке над раковиной заметил пластиковый флакон масла от загара. Сполоснув рот, он положил флакон в карман толстовки.

Когда он вернулся, Ким сворачивала взятое с кровати одеяло. Она уже обулась.

Взяв с комода ключ с пластиковой биркой, на которой были написаны адрес и название мотеля, он сунул его в тот же карман, куда положил масло.

– Что у тебя там? – спросила она, приподняв брови.

Он достал флакон и показал ей.

– Ну так. А ты прозорлив, как я погляжу, – сказала она.

– Просто хочу, чтобы все было по высшему разряду.

Он открыл дверь, и они вышли на балкончик. Улица перед мотелем была хорошо освещена, но оказалась совершенно пустынной – ни машин, ни людей. На парковке перед круглосуточным магазинчиком через дорогу от них не стояло ни одного автомобиля.

– Здорово, правда? – спросила Ким и обняла его сзади. – Как будто мы с тобой одни-одинешеньки на всем белом свете.

– Просто все остальные сейчас нежатся в постелях.

– А мы зато понежимся на пляже.

Они добрались до конца балкона, спустились по лестнице и оказались на стоянке мотеля. Несмотря на тепло там, где к нему прижималась Ким, Бакстер чувствовал, что холодный ветер пронизывает спортивный костюм насквозь. Его затрясло, и он стиснул крепче зубы, чтобы не стучали.

– Бедненький, – протянула Ким, остановилась на углу и достала одеяло. Они накинули его на плечи, и Бакстер по-

чувствовал себя куда лучше. Ким скользнула рукой в задний карман его штанов, и стало совсем хорошо.

Они прошли мимо бомжа, прикорнувшего под стеной магазина; заметив его, Ким нервно выдернула руку из кармана Бакстера.

– Выходит, мы все-таки не одни на белом свете, – съехидничал тот.

– Бедненький.

– Да уж, действительно, не очень-то ободряющее зрелище.

– Мы с тобой такие счастливики. Глядя на него, начинаешь это осознать, правда? Как можно жить так, как он, не имея ничего: ни крыши для ночлега, ни людей, которым ты дорог?

– А что, предложим ему наш номер, пока нас не будет.

Она легонько шлепнула его по задку:

– Это тебе не шутки. Это просто ужасно. Наверное, мы могли бы хоть чем-то ему помочь...

– Но чем? Бумажник я с собой не взял. Одеяло не наше. В принципе ты можешь снять свою курточку и отдать ему, я буду только за.

– У, кобелина, – сказала она и шлепнула его еще раз.

Перейдя улицу, они оказались у парковки Фанленда. Там все еще стояло несколько машин, и Бакстер подумал, что внутри вполне могут быть сексующиеся подростки. Или уже слишком поздно? Нет. Вряд ли. Хотя, вспомнив юность, он вдруг понял, что даже в таких случаях никогда не возвра-

щался домой позднее двух ночи.

А сейчас уже половина четвертого.

Нет, в такое время здесь только мы. Ну и дрыхнувшие бом-
жи. Может быть, несколько патрулирующих полицейских.

Хорошенькое получится дельце, если нас тормознут копы.

Мы же не нарушаем закон, сказал он себе.

Но вызываем подозрение, бродя здесь среди ночи.

– Нарушители на неверной стороне полуночи,⁸ – молвил он.

– А?

– Просто вспомнилось. Ох, чует мое сердце, что незакон-
но это.

Они миновали шоссе, поднялись по лестнице и вошли
в тень под аркой Фанленда. Несмотря на одеяло, несмотря
на теплую руку Ким, когда они снова вышли под лунный
свет, Бакстер снова ощутил пробирающую дрожь. Он окинул
взглядом пустой променад.

– Что не так? – спросила Ким.

– Просто проверяю, насколько здесь безопасно.

Она крепче сжала его ягодицу:

– Не будь паникером.

Они остановились на краю променада, откуда открывался
обзор на пляж.

⁸ «*The wrong side of midnight*» – возможно, Бакстер цитирует одноименную песню группы U.D.O. Хотя упомянутая песня была выпущена в альбоме 2007 года, не исключено, что написана она гораздо раньше; группа начала свою деятельность в 1987 году. (Прим. редактора.)

– Ну разве не чудесно? – спросила она.

Ничего чудесного Бакстер в упор не видел. Знакомого пляжа, где он нежился на солнышке, натирая Ким маслом и любуясь волнами Тихого океана, больше не было. Берег выглядел темным и ледяным, словно на чужой планете.

Бакстеру совершенно не хотелось туда идти.

– Не уверен, что тут никого нет, – проговорил он.

– Да правда, что ли? – Ким вынула руку из его кармана и повернулась к нему. Развернула одеяло. Потом расстегнула куртку, задрала толстовку себе и Бакстеру, после чего прижалась своим телом к его. Сначала он ощущал только нежную гладкость и тепло ее кожи, а потом почувствовал, как ее руки начали пробираться ему в штаны, лаская его там.

– Почему бы нам не вернуться в мотель? – прошептал он.

– Почему бы нам не остаться здесь?

– Не нравится мне тут.

– Чувствуешь, как хорошо?

Он поежился.

Она ласкала его, а он озирался по сторонам. Луна превратила доски променада в выбеленные кости. В черной тени, казалось, кто-то скрывается.

Я и впрямь становлюсь параноиком, подумал он.

И почувствовал, как брюки спустились до лодыжек. Ветер тут же обдал холодом кожу.

– Оп-па! – сказала Ким.

Он нагнулся, пытаясь натянуть штаны, а Ким, сорвав с

него одеяло, накинула его себе на плечи и, кружась, побежала вниз по лестнице на пляж.

– Черт возьми, Ким!

Она кружилась на песке, размахивая над головой одеялом, словно гигантским флагом.

Бакстер завязал шнурок на поясе и тоже начал спускаться. Он не спешил, наблюдая, как резвится Ким.

Он сошел с последней ступеньки. Песок под ногами был необычайно мягок. Осторожно ступая, Бакстер приблизился к Ким. Ему хотелось подбежать, сгрести ее в охапку и унести в безопасное место... Но если он будет спешить, то она все поймет и с хохотом пустится наутек.

– Иди ко мне, – сказал он, остановившись.

Она улыбнулась и накинула одеяло на плечи:

– А что мне за это будет?

– Поцелуй.

– А еще?

– Ким, ну я ж серьезно. У меня от этого места мурашки по коже.

– А по-моему, здесь здорово.

Он метнулся к ней.

Она отскочила. Его пальцы ухватили только краешек одеяла. Смеясь, она побежала вдоль берега, поднимая тучи песка и неумолимо приближаясь к темной тени, отбрасываемой променадом. Бакстер со всех ног бросился следом, но мешало одеяло. Он свернул его и сунул под мышку. Бежать стало

легче, но Ким к тому времени была уже далеко впереди.

Оглянувшись через плечо, она прокричала нараспев:

– Копуша, копуша, толстый, как груша!

Неужели она не понимает?

Не понимает чего? Мы здесь одни. Ей весело. Это я вбил себе в голову невесть что.

Но Бакстеру очень не нравилось, что Ким неумолимо приближается к променаду, к его длинным теням, к черной земле под сваями...

Она снова обернулась.

– Лови! – весело прокричала она, стянула с себя толстовку и запустила в Бакстера. Ветер тут же подхватил толстовку и швырнул во тьму. Бакстер умудрился коснуться краешка рукава и почти поймать ее, но не успел сжать кулак. Толстовка выскользнула из пальцев и упала на песок. Бакстер кинулся влево и подхватил ее. Он пробежал еще несколько шагов, и тут его осенила идея. Он остановился.

– Покедова, Ким. Желаю тебе весело добратсья до мотеля, как набегаешь тут.

Она притормозила. Остановилась. Повернулась, положив руки на бедра. Грудь ее вздымалась от бега. Кожа, за исключением грудей, была темной от загара, груди же выглядели так, будто кто-то обмазал их сливками, а потом облизал соски, решив оставить их темными.

Бакстер смотрел на нее. Она смотрела в ответ.

– Не думаю, что ты хочешь уйти, – сказала она.

Пляж больше не казался ему уютным, и чувство, что из тени променада за ними наблюдают десятки глаз, никуда не делось, но Ким была права: он больше не рвался уйти отсюда.

Ким была обнажена по пояс, открыта и беззащитна.

Бакстер хотел ее.

Хотел прямо здесь и прямо сейчас.

Так и держа руки на бедрах, она направилась в его сторону.

Он смотрел в темный лес свай под променадом, ежилась, но понимал, что никуда отсюда не денется.

Страх, который всего лишь минуту назад звучал криком, требуя бежать без оглядки, теперь казался ледяными пальцами, ласкающими, пощипывающими, поглаживающими его, пальцами призрачной шлюхи, с болезненным вожделением ожидающей начала любовной игры.

Ким остановилась в нескольких шагах от него.

– Ты, наверное, замерзла, – сказал он.

– Ничуть. Чувствую себя замечательно.

Он подумал, что ее, наверное, согрел бег. Да и сам он уже не чувствовал холода. Дрожь, никак не желавшая его отпустить, имела к холоду очень слабое отношение.

– Сними все остальное, – сказал он.

В свете Луны он увидел, как она улыбнулась:

– Что, больше не боишься?

– Ну же, сделай это.

Балансируя на одной ноге, она принялась стягивать крос-

совку и носок:

– Мне ни капельки не страшно, а тебе?

Бакстер кивнул в ответ, а сам вглядывался в темноту. Ледяные пальчики страха ощупывали его, то и дело сжимаясь.

Ким прыгала на одной ноге, ее груди подскакивали, когда она пыталась высвободить из кроссовки и носка вторую ногу.

– Так и будешь стоять столбом? – спросила она, развязывая узелок на поясе.

– Да, – ответил он.

Ее спортивные штаны упали на песок. Она шагнула вперед, высвобождая ноги из резинки. Потом приблизилась к Бакстеру, но вместо того, чтобы обнять его, взяла одеяло и уже с ним в руках побрела во тьму, под навес променада. Когда темнота сомкнулась над ней, страх сдавил Бакстера с невероятной, неожиданной силой, силой уже не похотливой шлюхи, но жестокой ведьмы, терзающей его.

Ким расстелила одеяло.

– Нет, – сказал Бакстер. – Давай расстелим его здесь, под Луной.

– А если кто-то будет мимо проходить? – спросила Ким. – Тут поспокойнее.

– Но мне хочется видеть тебя.

– Ага! – Она вышла из тени, отчего его страх немного ослабил хватку. Повернувшись спиной к океану, Ким развернула одеяло, присела на корточки и расстелила его на пес-

ке, прижав с двух углов своими кроссовками. Взявшись за противоположные концы, Бакстер снял обувь и проделал то же самое.

Ким заползла на одеяло и легла на спину, заложив руки за голову.

– До чего хорошо, – сказала она.

– Думаешь, не слишком холодно, чтобы мазаться маслом? – дрожащим голосом спросил Бакстер.

– А мне хочется, – сказала Ким.

Он отыскал в кармане пластиковый флакон и бросил на одеяло у ее ног, затем снял носки и тренировочный костюм и опустился перед ней на колени.

Она лежала прямо, сжав ноги, ее загорелая кожа почти сливалась с темным песком и темным одеялом, но все равно выделялась на фоне темноты променада. Руки с расставленными локтями по-прежнему покоились под головой. Она слегка извивалась, словно наслаждаясь мягкостью одеяла и предвкушая прикосновения мужниных рук.

Бакстер снял крышку с флакона и провел дорожку масла по ее правой ноге и выше. Ким вздрогнула и выгнула спину, когда дорожка пересекла ее пах, и вновь расслабилась, когда муж повел ее вниз по левой ноге. Он стал водить руками по ее коже, размазывая масло. Аромат кокоса вызывал мысли о сладкой вате; ему захотелось попробовать кожу Ким на вкус.

Ее подбритые голени были немного шершавыми, зато кожа бедер казалась атласной.

Она раздвинула ноги. Она застонала, забилась, когда он начал натирать ее там.

Склонившись над ней, Бакстер обнял ее скользкими от масла руками. Ее нагота, прикосновения ее тела – все это лишило его самообладания, несмотря даже на ветер, который поглаживал его ноги, обдувал промежность, проникая между ягодич, взбирался по спине и ерошил волосы. Несмотря на все это, Бакстер был невероятно возбужден.

Стараясь успокоиться, пока не стало слишком поздно, он положил руки на бедра Ким, опустил голову и закрыл глаза.

Она сказала, что ей невероятно хорошо.

Да не то слово.

Они уже занимались любовью дважды, в номере мотеля перед сном. И бесчисленное множество раз на протяжении предыдущего месяца. Но такого он не испытывал никогда.

А ведь это только начало. Она еще даже не дотронулась до него.

Надо бы начать сзади, подумал он.

Он почувствовал ладони Ким у себя на спине. Они скользнули вдоль плеч и, обхватив его руки, направили их вниз, между ее ног.

– Проявляешь инициативу? – пошутил он, приподняв голову.

Она улыбнулась и, изогнувшись, вытянула руки над головой.

Он ласкал ее пальцами.

Она ахнула.

Но ведь я не сделал ей больно, подумал Бакстер... и когда она выскользнула из-под него, он, чувствуя, как ладони соскочили с ее бедер, подумал: чего это она?

– Бакс! – завизжала Ким.

Он поднял голову.

Тень, тень из-под променада засасывала ее.

Нет, не тень.

Два с трудом различимых во мраке сгорбленных силуэта тащили ее за запястья.

– Нет! – закричал он.

Половина тела Ким уже скрылась под променадом. Ее ноги сучили по воздуху.

Бакстер поймал одну из них и вцепился в нее обеими руками. Несмотря на скользкое масло, он пытался удержать Ким, но не мог. Его тащило вместе с ней, колени путались в одеяле, прорывали канавы в песке.

– Стойте! – завопил он. – Вы что?!..

Крик так и застрял у него в горле. Позади двух нападающих в темноте под променадом скрывались и другие. Они выбирались из-под опор и балок – сгорбленные, оборванные тени. Сколько их там? Восемь? Десять?

Бакстер выпустил ногу Ким.

Она исчезла во тьме.

– Не бросай меня! – визжала она.

Бакстер поднялся на ноги.

Он застыл на месте, понимая, что еще есть время бежать. Потом, с ревом ненависти и отчаяния, ринулся во тьму. Навалившись на тех двоих, что тащили Ким, он свалил их с ног и, взгромоздясь на одного, крикнул Ким, чтобы она убегала. Костлявые руки похитителей вцепились в его тело. Пальцы с длинными ногтями терзали кожу. В руку вонзились зубы. Второй вгрызся ему в бедро. Бакстер закричал от невыносимой боли и принялся бить вслепую, пытаясь сбросить нападающих, но озверевшие твари вцепились намертво. Их вонь душила его.

– Вставай, Бакс! Быстрее!

– Беги! – заорал он. Черт бы ее подрал, почему она не убегает?! Неужели не видит, сколько их здесь?

«А где же остальные?» – подумал он. Ведь они, по идее, должны наброситься на него.

Он не переставая наносил удары кулаком тому, кто лежал под ним, чувствуя, что уже прилично его отделал. Тип хрипел, дергался и в конце концов отпустил его. Тогда Бакстер ударил локтем другого, попав, очевидно, в солнечное сплетение.

Он понял, что свободен. Они отпустили его. Он выкарабкался на четвереньках из-под скрюченных тел, поднял глаза и увидел Ким.

Она стояла в темноте между Бакстером и ужасной сворой, замахиваясь куском топляка, словно Дэви Крокетт, из последних сил обороняющий стены Аламо прикладом разря-

женного мушкета.⁹ Похоже, ни одному из этих выроdkов не хватило отваги рискнуть головой и напасть на нее.

Бакстер смотрел на нее со смесью страха и восхищения. Он с трудом поднялся на ноги.

И успел заметить какое-то движение наверху, чуть левее. Он обернулся как раз в тот момент, как темная фигура спрыгнула с променада. Она неслась вниз, раскинув руки, точно крылья огромной летучей мыши, черные лохмотья трепетали на ветру. Ким тоже увидела ее. Она попыталась отскочить, но старая ведьма обрушилась на нее сверху и повалила на песок.

И тогда Бакстер ринулся в бой.

⁹ Дэвид Крокетт, более известный как Дэви Крокетт (англ. Davy Crockett; 17 августа 1786 – 6 марта 1836) – американский путешественник, офицер и политик, вошедший в фольклор. С 4 марта 1827 по 3 марта 1831 годов представлял штат Теннесси в нижней палате Конгресса как противник президентского Закона о переселении индейцев. В результате проиграл на выборах 1830 и 1834 годов, однако был вновь избран в 1833 году. Проиграв очередные выборы, отправился в Техас. Погиб в 49 лет, защищая крепость Аламо во время войны за независимость Техаса. (Прим. редактора.)

Мэг и Чарли выбрались из-под променада и побрели к лестнице.

– Так нечестно, – бубнил Чарли. – Нечестно, нечестно.

– Заткнись, – сказала Мэг.

– Мы все пропустим! – ныл он.

Мэг стукнула его по руке.

Он схватился за ушибленное место и отскочил от нее по-дальше.

– Мы все пропустим!

– Ничего не попишешь, – сказала Мэг. – Глянь зато, чего нашла. – Она усмехнулась и помахала перед ним ключом от мотеля. – Теперь повеселимся.

– Я тоже хочу.

– И хочется, да колется.

– Так нечестно.

Они поднялись по лестнице. Когда они ковыляли через променады, до ушей Чарли долетел приглушенный страдальческий крик. Он знал, что это из «Веселого домика». А он не участвует! С досады он хлопнул себя по виску.

– Эй.

Он хмуро взглянул на Мэг. Та порылась в кармане пальто и, вытащив оттуда бутылку, предложила ему. Он выхватил бутылку у нее из рук. После пары глотков чуток полегчало.

Но все равно нечестно, думал он.

Он сделал еще один глоток и вернул бутылку Мэг.

– Оставь себе, – отмахнулась она, – у меня еще есть.

Когда бы он ни встретил Мэг, у нее была с собой бутылка.

И это, как правило, был хороший, настоящий вискарик, не какое-нибудь дешевое пойло. Чарли не знал, где Мэг добывает на него деньги, но подозревал, что она может получать пособие по инвалидности. Вроде не калека, но притворяться она умеет. Иначе откуда деньжата? Пенсия по инвалидности – это вам не пособие для бездомных, это раза в три поболее. Может, у нее где-то большая заначка. Или она просто лучше всех умеет выклянчивать милостыню. Видал он, как она это делает: никогда не попросит денег напрямую. Встанет перед «клиентом», в глаза жалостливо заглянет и такая: «Господь вас благослови!» Чаше всего раскошеливаются.

Чарли присосался к бутылке: эх, хорошо! До нутра прогревает. Кайф. К моменту, как он приговорил эту бутылочку, они с Мэг уже поднимались по лестнице на балкончик мотеля.

Мэг отперла дверь в двести десятый номер, и они вошли.

Чарли закрыл дверь, а Мэг зажгла прикроватную лампу.

– Располагайся, – сказала она. – Разве не пр-рэлэстно?

Он стоял у двери, наблюдая, как она бродит по комнате.

Похоже, визит сюда ужасно ее взбудоражил. В мусорном ведре она обнаружила пустую бутылку из-под вина, перевернула, вытрясая в рот последние капли. На столе лежала пачка

«Салемс», Мэг вытащила сигаретку, зажала в губах, прикурила. Пробежалась руками по постели, вынула изо рта сигарету, взяла подушку и обтерла лицо. Тщательно исследовала содержимое каждого чемодана и отправилась в ванную.

Со своего места Чарли не мог видеть, чем там занимается Мэг. Решив, что она наверняка надыбалла что-то хорошее, он заковылял туда и остановился, столкнувшись с ней в дверях.

Ее пальто валялось на полу, а сама Мэг расстегивала свитер. Сигарета болталась в уголке рта, пуская тоненькую струйку дыма Мэг в глаз, отчего та щурилась. Справившись со свитером, она бросила его на пальто и стала возиться с пуговицами клетчатой рубашки.

– Ты че делаешь? – спросил Чарли.

– Напряги извилины.

– Я свалить хочу.

– Перебьешься.

– Не хочу все пропускать.

– Мы *уже* все пропустили. Хорош бурчать.

Он понимал, что она права. Даже уйди они прямо сейчас, к их возвращению основная забава давно закончится.

– Так нечестно, – пробормотал он.

– В кои-то веки тебе представился шанс помыться. Помыться по-настоящему. Радовался бы.

– Забодала, – огрызнулся Чарли.

Нахмурившись, Мэг принялась стаскивать с себя футболку. Та была грязно-серого цвета. При виде кожи Мэг в язвах

и струпьях, Чарли поспешил отвести взгляд.

– У-у-у-у-у, – протянула она, хихикнув. – А Чарли-то у нас стесняша.

– Вовсе нет, – сказал он. Но больше смотреть не стал, а подошел к кровати и развалился на постели. Простыни были свежие, белоснежные. И пахли приятно. Он решил, что это запах женщины, которая здесь спала.

Из крана полилась вода, со скрежетом задернулась занавеска.

Он закрыл глаза.

– Эй! Глянь сюды!

Спросонья он перекатился на бок, а когда открыл глаза, то увидел стоящую перед комодом Мэг. На ней была полупрозрачная ночная сорочка с таким глубоким вырезом, что под ней при желании можно было разглядеть очень многое (он, впрочем, таким желанием не горел). Костлявую изуродованную грудь украшало жемчужное ожерелье. На запястьях и пальцах красовались браслеты и кольца, в уши были вставлены жемчужные серьги. Из ушей на плечи капала кровь. Губы были красными и блестящими. Мэг одарила Чарли чарующей улыбкой, продемонстрировав коричневые пеньки зубов, и принялась расчесывать свои длинные темные волосы.

– Разве я не хороша?

– Угу, как шлюха, сдохшая недели три назад, – отозвался он.

Ее глаза вылезли из орбит. Она запустила в Чарли щет-

кой для волос, угодив точнехонько в левую бровь. Он опрокинулся на кровать, Мэг с визгом набросилась на него. Он откатился в сторону и свернулся калачиком, обхватив голову руками. Матрас заходил ходуном, когда Мэг запрыгнула на него.

– Я тебе яйца оторву, мешок говна! – визжала она.

Чарли верещал и стонал, когда она скакала по кровати, пиная его ногами, а потом уселась сверху и, оттянув его голову за волосы, врезала ему кулаком в лицо. После чего оставила его в покое. Он лежал неподвижно.

Сел он, только услышав, как она плачет.

Мэг съежилась на ковре, уткнувшись лицом в ладони.

Он встал и подошел к ней.

С размаху отвесил пинка по ребрам.

– Квиты, – буркнул он.

Она так и валялась на полу, рыдая, пока Чарли собирал одежду мужчины и туалетные принадлежности и складывал их в чемодан.

В кармане брюк он нашел кошелек с почти тремя сотнями налички, в основном мелкими купюрами. Он не посмел взять ни одной двадцаточки. Потом беды не оберешься. Пару месяцев назад Эдгар участвовал в подобном же дельце, а на следующий день Гадкая Нэнси засекала, как он отваливал десятку за квартиру бурбона. Когда идешь на дело, себе можно брать только одежду. И ничего больше.

Эдгар тогда божился, что нашел десятку на пляже. Никто

ему не поверил, и беднягу заставили «пройтись по домику».

Чарли снова перебрал пальцами купюры. Помимо двадцаток, нашлось несколько десятков, а также восемь купюр по доллару. Чарли подумал: почему бы и не рискнуть? Кто докажет, что он не мог получить щедрую милостыню?

Он оглянулся на Мэг; та перекатилась на бок и не смотрела на него.

Никто никогда не узнает.

Но тут в памяти снова возник Эдгар, Чарли вздрогнул и почувствовал, как слабеют ноги, сжимается мошонка, по спине бегут мурашки, а желудок сковывает ледящим холодом.

Дрожащими руками он закрыл бумажник и сунул обратно в карман брюк мужчины. В переднем кармане отыскалась связка ключей. Достав ее, он бросил брюки в чемодан.

Только он успел закрыть чемодан, как подошла Мэг. Он пригнулся и поднял руки для защиты, но удара не последовало.

– Дай взглянуть, – попросила она, и Чарли отступил назад. Мэг прошла мимо него в угол комнаты и открыла другой чемодан, очевидно, с вещами женщины. Сняла сорочку. Чарли зажмурился.

– Дурень чертов, – буркнула она.

Когда Чарли вновь посмотрел на нее, она была уже в ярко-розовых трусиках и натягивала какие-то зеленые брюки. Надев их, она улыбнулась Чарли, достала из чемодана чер-

ный лифчик и застегнула на груди. Потом вытащила зеленую кофточку и тоже надела, разгладив ее на животе и груди.

— Здорово, — сказала она. — Почему б и тебе не прибарахлиться?

— Я и этому рад.

— Чертов дурень. — Расстегнув жемчужное ожерелье, она бросила его в чемодан. Туда же отправились и кольца с браслетами. Затем она вытащила из окровавленных мочек серьги. Чарли отметил, что они были для уже проколотых ушей, а уши Мэг, насколько он помнил, проколоты не были. До недавнего времени.

Она вытащила из чемодана белые носки и теннисные туфли, надела, подойдя к шкафу, достала женскую нейлоновую ветровку. Принесла одежду из ванной, бросила в чемодан и стала бродить по комнате в поисках других женских вещей.

— Ключи взял? — спросила она.

Чарли поднял связку, и Мэг выхватила ее из его руки.

Закрыв чемодан, она подошла к двери. Чарли взял оба чемодана и вышел на улицу вслед за ней.

Небо на востоке уже посветлело, но заря еще не занялась. С балкона открывался хороший обзор. Перед мотелем Чарли никого не видел. Улица была пустынна, не считая машин на стоянке.

Мэг пошла вперед, он потащился за ней с чемоданами в руках. Едва он спустился с лестницы, как его спутница уже

отыскала нужный автомобиль. Это был синий БМВ. Пока Чарли плелся через стоянку, Мэг открыла багажник.

Он закинул туда оба чемодана.

Мэг забралась на водительское сиденье и распахнула дверь. Чарли сел в машину, отметив приятный аромат кожаной обивки.

Мотор заурчал, когда Мэг повернула ключ в зажигании.

– Прокатимся? – спросила она, кивнув в сторону улицы.

– Назад хочу, – сказал Чарли.

– Пожалуй, ты прав. Но на веселье мы уже опоздали.

А может быть и нет, подумал он, но все же сказал:

– Главное, не забывать про осторожность.

Она пробормотала что-то неразборчивое и на полной скорости направила автомобиль к Фанленду, проскочив мигающий красным сигнал светофора. Затормозила она так резко, что Чарли чуть не расшиб голову о приборную панель.

– Забери вещи, – распорядилась Мэг.

Она дала Чарли ключи, он открыл багажник и достал чемоданы, после чего подошел к окошку и вернул ей связку.

– Что ты задумала? – спросил он.

Мэг улыбнулась ему:

– От тачки нужно избавиться. Не переживай, я знаю уйму замечательных способов.

Машина взревела и умчалась, взвизгнув шинами по асфальту.

Чарли взял чемоданы.

Волоча их по лестнице к променаду, он гадал, сколько же они с Мэг отсутствовали. Скорее всего, очень долго. Наверняка все веселье уже закончилось.

Хотя как знать?

Иногда оно длилось целую вечность.

Он ускорил шаг.

Робин выползла из своего спального мешка. Утро было серым и туманным. Дрожа от холода, она уселась на мешок. Порывшись в рюкзаке, достала свежее белье и носки, синие джинсы и рубашку с обрезанными рукавами. Окинула взглядом верхушки окружающих ее лагерь дюн, никого не заметила и подумала, что если даже кто и есть поблизости, вряд ли ему удастся ее увидеть.

Одним быстрым движением она вытащила небольшую стопку купюр из трусиков, которые были на ней, и сунула их в передний карман джинсов. Потом сняла трусики с футбolkой и переделалась в то, что достала из рюкзака.

Затем она подняла ветровку, которую использовала в качестве подушки. Прямо под ней лежал нож. Когда она надела ветровку, дрожь утихла.

Нож она сунула в боковой карман рюкзака.

Затем обулась в свои походные ботинки. Они охладили ноги даже сквозь носки, ну да ничего, скоро прогреются.

Она встала и поднялась по песчаному склону. Отсюда прекрасно просматривались голые дюны и плоская песчаная коса, уходящая в океан. В сером небе, перекликаясь, кружили чайки. Какой-то мужчина бежал вдоль берега, рядом трусил черный лабрадор. На пляже неподалеку от Фанленда какой-то чужак охотился за сокровищами с помощью металло-

искателя. Еще дальше собрались кружком несколько серферов в мокрых костюмах; их товарищи в воде седлали волны, или лежали животом на своих досках, подгребая руками, или выходили из воды, волоча ноги; казалось, они готовы дневать и ночевать на пляже.

Она отвлеклась от серферов, заметив, что кто-то спускается по главной лестнице с променада. Девушка в белой рубашке и красных шортах, помахивающая сумочкой. Она находилась довольно далеко.

По той же самой лестнице вчера спускалась на пляж сама Робин; она была поражена, что так далеко забралась.

Мальчишка возле билетной кассы всерьез напугал ее. Он и дружки, которых он дожидался. Наверняка это были те самые троллеры. Кто еще устроит здесь сходку в столь поздний час?

Робин посмотрела в другую сторону.

Она тогда только и думала, как бы оказаться от этого парня подальше. Футы в сорока – пятидесяти впереди высился сетчатый забор, обозначавший границу общественного пляжа. За ним, на изрядном расстоянии от берега, стоял чей-то дом.

Сейчас наступило время прилива, и волны достигали края забора. Ночью, когда прилива не было, Робин могла бы спокойно обойти этот забор, даже не замочив ног, и обустроиться за ним, но она всегда забиралась на чужую территорию с огромной неохотой.

Ничего, местечко в дюнах тоже отличное, подумала она.

Подростки так и не нашли меня.

Если, конечно, вообще пытались.

– А это что еще за прекрасная незнакомка?

Робин обернулась на голос. На гребне дюны, сразу за местом ее ночлега, стоял мужчина. Бомж. Пожилой и тучный, в грязной одежде, с узловатым посохом в руке. При мысли о том, как долго он мог за ней следить, она содрогнулась. Неужели он подглядывал, как она переодевалась?

– Профессор Е. А. Поппинсак, – представился он, снимая шляпу – выцветший коричневый котелок. За ленту на тулье были заправлены красные перья, торчащие по бокам, точно крылышки Меркурия. Мужчина был лыс, зато обладал густыми усами, лихо закрученными на концах. Одет в грязную куртку из оленьей кожи с бахромой, трепещущей на ветру, и клетчатые штаны, которые уместнее смотрелись бы на игровке в гольф, чем пляжном бомже. – Доброго утра, дорогуша. Позволите составить вам компанию за чашечкой чая?

Робин покачала головой.

– Простите, – сказала она, – но у меня ничего нет.

– О, зато у меня все есть. Надеюсь, вы не станете отказываться? Усядемся, и грустные сказанья припомним мы о смерти королей...¹⁰

Не дожидаясь ответа, мужчина спустился с холма, высоко подняв посох.

¹⁰ Шекспир, «Ричард II», акт 3, сцена 2; перевод Д. Михаловского.

Странная птица, подумала Робин. Но ей понравились веселые искорки в его глазах, и вообще дядечка выглядел вполне безобидным. В своем наряде он чем-то напоминал эдакого знахаря, путешествующего из города в город и продающего чудодейственные эликсиры.

Заинтригованная, Робин последовала за ним через дюны. Его лагерь располагался прямо позади нее, на площадке в сорок или пятьдесят футов, окруженной песчаными наносами.

– Добро пожаловать в мои хоромы, – молвил Поппинсак и указал на лежащий рядом спальный мешок. Робин уселась на него, а старик поставил кастрюлю на газовую горелку, предварительно добавив в нее воды из фляжки.

– Да я смотрю, у вас тут есть все удобства, – сказала Робин.

– Притом нет такой мерзости, как ипотеки, налоги, страховки и счета за коммунальные услуги. Бог дал, Поппинсак взял. – Он достал из кармана пальто чайные пакетики, включил горелку и закинул пакетики в кастрюлю.

– Итак, как же тебя зовут? Пак или Пип?

– Робин.

– О, Робин. Робин, птичка-невеличка без единого яичка. И без петушка. Хотя это, при желании, вполне можно исправить.

Это высказывание повергло ее в шок. Возможно, этот чудаковатый не так уж и безобиден.

– И урожденный висельник порою все ж избегает петли. Слова. Слова – вот страсть Поппинсака. Музыка разума.

Двадцать шесть букв¹¹ – бесчисленное множество миров...

– Я пишу стихи, – сказала Робин, немного расслабившись. – Песни.

Его глаза загорелись:

– Бард?! – Он хлопнул себя по коленям, отчего из его клетчатых штанов в разные стороны полетела пыль. – Мы родственные души. Спой мне песню.

Робин улыбнулась и пожала плечами:

– Я не взяла банджо.

– Так сбегай же за ним скорей и песней мне отплати за этот сладкий чай.

– Действительно, почему бы и нет?

Она встала и побежала в свой лагерь, на ходу поражаясь, как близко друг от друга они, оказывается, спали. Интересно, думала она, знал ли Поппинсак этой ночью, что она спит неподалеку? Если да, то он и не пытался причинить ей вред. Теперь она была рада его обществу.

Какая-никакая, а компания.

Интересно, если бы троллеры все-таки отыскивали ее, бросился бы Поппинсак на выручку, размахивая посохом?

С банджо в руках она вернулась в его «апартаменты», вынула инструмент из чехла и уселась на одеяло.

– Уж не твою ли игру вчера я слышал? – спросил Поппинсак.

– Вполне возможно. Вчера я играла на променаде.

¹¹ Имеется в виду, разумеется, английский алфавит. (Прим. редактора.)

– А я играл на берегу словами.

– Играли словами? – спросила она.

– Бевульф, Теннесси Уильямс, Микки Спиллейн. «Смиттинг Грендель как птица по свету летает и дамочек с радостью он ублажает...» Это было легко. А ты, моя дорогая, как раз поддержишь меня музыкой. Знала бы ты, как я рад с тобой познакомиться. Спой, светик, не стыдись.

– Это песня, над которой я сейчас работаю. Проверю-ка я ее на вас.

Поппинсак с улыбкой закрыл глаза и, положив руки на колени, привалился спиной к песчаной дюне.

Пальцы Робин летали по струнам банджо. После вступления она запела:

Я была там и тут, мой драгоценный?
Дошла за тобою до края Вселенной.
Выворачивалась наизнанку, стояла вверх ногами,
Сходила с ума и носилась кругами.
Низко падала и высоко летала,
Где бы я не была, я смеялась и рыдала —
Все потому, что я тебя искала,
Все потому, что я тебя искала.

Я не знаю твоего лица, не знаю имени,
Но я тебя найду, ты только жди меня.
Я узнаю тебя по величавой походке,
И как услышу в голосе дрожащие нотки.
В твоих глазах свет солнца яркий,

Твоя улыбка будет мне подарком.
Я буду искать тебя,
Да, я буду искать тебя.

Ты звезды, и море, и солнце, и луна.
Там-тарам и тра-на-на-на.
Хватит писать, пора остановиться.
Пам-парарам и лампа-ца-дрица.

Улыбаясь и кивая, Поппинсак начал аплодировать.
– Дева-менестрель, – сказал он. – Робин, королева бардов.
А эта строчка: «В твоих глазах свет солнца яркий, твоя улыбка будет мне подарком», эх...

– В смысле, эта строчка отстой? – спросила она.
– Прелесть. Ты прелесть. И сейчас я принесу чай.

Он поднялся с песка и, подойдя к вещевому мешку, принял что-то искать в нем. Через несколько минут Поппинсак вернулся с перчаткой и двумя пластиковыми кружками. Натянув на руку перчатку, он налил горячего чая в одну из кружек и протянул ее Робин. От него пахло так, будто он с головы до ног облился одеколоном, но даже это не пригласило не особо приятный душок. На щеках заметно проступали фиолетовые прожилки капилляров. Огромный нос картошкой был изрыт оспинами и напоминал Робин большую переспелую клубничину. В усах застряли крошки еды.

На расстоянии, подумала она, Поппинсак смотрится куда как симпатичнее.

– Предпочитаешь со сливками? – спросил он.

– А у вас есть сливки?

– Ни капельки. Сдобрить ложечкой рома? – Он достал из кармана пальто пластиковую флягу.

– Нет, но все равно спасибо.

Наполнив свою кружку, он щедро плеснул туда рому и вернулся на место.

Робин посмотрела на свой чай. К ее радости, ничего в нем не плавало. Она сделала глоток.

– Неплохо, – сказала она.

Отхлебнув из своей кружки, Поппинсак вздохнул и причмокнул.

– Поведай, дева-менестрель, какой судьбой-злодейкой ты занесена на этот проклятый богами пляж?

– Я просто путешествую, смотрю мир.

– Спасаясь от чего-то или кого-то?

Она покачала головой:

– С чего вы взяли, что я от чего-то спасаюсь?

– Твою обиду с болью пополам в твоих глазах я вижу.

– Вы с ума сошли.

– Я видел все, что происходит на Земле и в Небесах; я видел самый Ад, и ты мне говоришь, что я свихнулся?

– Эдгар По, верно?

– По счастью, нет. Итак, раскроешь ли ты мне свое сердце?

Она не видела причин скрывать от Поппинсака правду.

– Мой отец умер. Мать завела хахалю, которого я интересовала гораздо больше нее. Я ударилась в бег. Конец.

– И как это ты так долго путешествуешь?

– Как, как... Ножками. Расскажите лучше о себе.

– Чтобы остроумье краткостью затмить, скажу просто, что я – бомж-книголюб.

– А вы правда были профессором?

– О да, но перестал преподавать: уж лучше бисер собирать, чем перед свиньями метать.

– То есть вы забросили преподавание и посвятили все время книгам?

Он кивнул и сделал глоток сдобренного ромом чая.

– И давно вы здесь, в Болета-Бэй?

– Быть может, день, быть может, вечность целую.

– А троллеров не боитесь?

Он взглянул на Робин, приподняв густые серые брови:

– А ты боишься троллей?

– Мы же тролли, так? В смысле, подростки наверняка нас ими и считают.

– Тролли, тролли, – затянул Поппинсак на манер Роберта Ньютона в роли Долговязого Джона Сильвера. – Бывают безобидные, бывают очень злые, но знает Поппинсак о них истории такие, что кровь застынет в жилах и сердце застучит...

– Вы что, пытаетесь меня напугать? – скорчила гримаску Робин.

– Ты прекрасный бард и менестрель, – сказал Поппинсак

уже своим обычным голосом. — Умная леди, дерзкая и отважная. Но если отбросить все эти достоинства, то ты еще совсем ребенок и не знаешь жизни.

— Возможно, знаю больше, чем вы думаете. Я всякого видадалась.

— И была Божьим свидетелем на Страшном суде?

— О чем вы? — пробормотала она.

— Уноси ноги. Собирай вещи и уезжай. Доберись до Сан-Франциско или Лос-Анджелеса, а там садись на автобус до Палуковилля. — И с выражением добавил: — Уноси ноги к чертям из этого города, Робин. Если останешься, рискуешь просто-напросто исчезнуть.

Она уставилась на него.

— Все знали Робин-Пташку. Никто не знал, куда она попала.

— Вы в самом деле меня пугаете.

— Если пташка упорхнет, может, завтра не умрет...

— Но если здесь так опасно, — спросила она, — почему же тогда вы остаетесь?

— В самом деле почему? Наверно, ради дивных песен, что здешние русалки мне поют. — Он допил свой чай и произнес одно лишь слово: — Прощай.

Робин кивнула:

— Мне уйти?

— Твоя компания для меня бесценна. Внемли моим предупреждениям и беги.

– Думаю, я так и поступлю, – сказала она. – В любом случае у меня от этого места мурашки по коже, а вы уже четвертый человек, который предупреждает меня об опасности.

Она допила чай, поставила кружку на песок и убрала банджо в чехол.

– Спасибо за чай, – сказала она, вставая.

– А тебе спасибо за песню.

Она помахала ему на прощанье, повернулась и покинула лагерь Поппинсака.

В кафе двумя кварталами восточнее променада Робин заказала на завтрак яичницу с сосисками, картофельные оладьи и тост. Пока она ела, из головы не шел странный старик и его предупреждения.

Зловещие тролли. Исчезновение. Страшный суд.

Что за чертовщина? Впрочем, он вполне мог просто брать ее на испуг. Может, решил, что она вторглась на его территорию. Может, ему просто нравится людей пугать.

Но когда он это говорил, то и сам выглядел слегка испуганным.

Вообще-то нельзя исключать, что он нес полный бред, не имеющий ничего общего с реальностью. В конце концов, он явно любит заложить за воротник.

Как бы там ни было, а вчерашнее знакомство с троллями было не из приятных, да и подростки представляли серьезную угрозу.

Взорвать бы этот город к чертям собачьим.

Покончив с едой, Робин сверилась с меню. Завтрак стоил четыре восемьдесят, и Робин достала из кармана пачку банкнот.

Начала отсчитывать нужную сумму.

И разинула рот.

Желудок сжался.

Она смотрела на купюры, не в силах поверить своим глазам.

Однодолларовые.

Вчера, после того как она вышла из кинотеатра, у нее было шесть двадцаток и одна десятка.

Значит, в промежутке между кинотеатром и кафе кто-то вытащил у нее деньги и заменил двадцатидолларовые купюры на банкноты по доллару.

И она знала, когда это можно было сделать.

Только пока она спала.

Может, в кинотеатре?

Но она сильно сомневалась в этом.

Там было слишком много народу.

Кто бы осмелился обчистить ее при такой куче свидетелей? А если б кто и рискнул, он не смог бы запустить руку в карман ее джинсов, пока она сидела, не разбудив ее. Джинсы были слишком тесными.

Нет. Как бы ни хотелось ей верить, что ограбление произошло в кинотеатре, она понимала, что это не так.

Деньги вытащили после того, как она обустроилась на ночь.

Несмотря на то что в кафе было тепло, Робин почувствовала, как по спине ползут мурашки. Она стиснула ноги. Она представила Поппинсака, стоящего на коленях в темноте рядом с нею. Вот он расстегивает молнию ее спального мешка, наверняка обыскав уже рюкзак и даже обувь и полагая, что деньги она хранит ближе к телу. Представила его руки, исследующие ее тело, пока она спит, – не корысти ради, но удовольствия для, вот его рука проникает в трусики, нащупывает там деньги... и не только.

Птичка-невеличка, и ни одного яичка.

Грязный ублюдок.

И он поил меня чаем! И я для него пела! И все это время у него были мои деньги, а он вспоминал, что со мной проделывал!

Лицо Робин пылало. Сердце бешено колотилось. Ее всю трясло.

Он все у меня захапал, всю меня облапал, а потом еще прикидывался другом.

Так вот почему он советовал скорее покинуть город – надеялся, что я уеду раньше, чем обнаружу его проделки.

Она оставила пустую посуду на столе, накинула на спину рюкзак и, подняв банджо, подошла к кассе. После оплаты завтрака у нее осталось ровно семь долларов.

Она вышла на улицу.

Теперь мне не покинуть город, думала она, как бы ни хотелось.

Конечно, семь долларов – лучше, чем ничего. Но на дорогу все равно не хватит.

Дрожа от гнева и стыда, она поспешила к променаду.

Фанленд еще не открылся, но работники уже готовились к приему посетителей. Внизу, на пляже, бригада уборщиков сгребала мусор в кучи. Там же рылась и кучка бомжей. Поппинсака среди них не было.

Несколько бегунов трусили вдоль берега. Какой-то мужчина в трико делал зарядку, выкидавая такие трюки, что, глядя на него, создавалось ощущение, будто смотришь балет в замедленном действии. Какой-то малыш возился в песочнице, а родители его фотографировали. Загорающих не было, солнце еще не начало припекать. Серфингисты исчезли, купальщики еще не появились. Тем не менее на вышке уже сидела девушка-спасатель, одетая в белую блузку и красные шорты. Та самая, которую Робин видела до встречи с Поппинсаком.

Она поплелась дальше, оставляя всех позади. Наконец, миновав сорок – пятьдесят метров забора, отделявшего границу общественного пляжа, она свернула в сторону и продолжила свой путь через дюны.

Борясь с отчаянием, она опустила банджо на землю, скинула с плеч рюкзак, вытащила из него нож и сунула в задний

карман джинсов.

Он же будет все отрицать, думала она. И что тогда? Зарезать его?

Там поглядим.

Черт возьми, никто не смеет проделывать со мной такие фокусы!

Она нашла место своего ночлега, где Поппинсак подкрался к ней ночью и... лапал ее.

Теперь она уже знала, где его искать.

Она помчалась через дюны. Добежав до последней, выхватила нож...

Взлетела на вершину...

Поппинсака и след простыл. Только два использованных чайных пакетика сиротливо валялись в песке.

Джереми спустился по лестнице на пляж. Время приближалось к полудню, солнце жарило вовсю, поэтому многие девчонки уже загорали, развалившись на песочке. Но они его нисколько не интересовали. Первым делом он устремил взгляд на спасательную вышку.

И она была там.

Таня.

Даже на таком расстоянии он узнал Таню по прекрасной фигуре, загорелым ногам и золотистым волосам.

Его чувства обострились.

Ему хотелось подойти к ней, обнять и поцеловать, ощущая, как прижимаются друг к другу их тела.

По крайней мере мог бы просто подойти и поздороваться, подумал он.

Но он не смог заставить себя сделать хотя бы шаг вперед.

Он изо всех сил стиснул зубы.

Чертов трус.

Он поднялся по лестнице к променаду. Они договорились встретиться там с Ковбоем во второй половине дня, но конкретного времени не назначали. Поднявшись, Джереми огляделся вокруг, надеясь разглядеть друга в толпе.

Он почему-то предполагал, что Ковбой должен быть где-то именно в южной стороне. Все самые лучшие аттракцио-

ны, в том числе и резервуар с Лиз, находились там. Но на северной стороне Джереми еще не бывал, а поскольку для встречи с Ковбоем у него был целый день, он решил прогуляться сперва туда.

Попадавшаяся на пути публика ничем не отличалась от той, что он видел вчера: алкаши и голодранцы, крутые парни и хулиганы, молодежные компании, а прилично одетые и безобидные на вид люди в меньшинстве. В основном это были парочки или даже целые семейства, вероятно, приехавшие на отдых.

Вчера, до встречи с Ковбоем, он изрядно натерпелся страху, бродя среди этой публики. Сегодня все было иначе. Пусть он один, одиночество не донимало его. Он знал, что теперь у него есть друзья. Не только Ковбой, но и Лиз, и Таня, даже те подростки, которых он не знал, наверняка приходились друзьями Ковбою или кому-нибудь из остальных, а значит, могли стать друзьями и Джереми.

Он ощущал свою сопричастность.

Тут он услышал музыку банджо. Мелодия доносилась из-за павильонов где-то впереди.

Неужели это играет та сучка, что облаяла его прошлой ночью?

Он продолжал идти, а музыка становилась все громче.

Наконец он увидел толпу, собравшуюся вокруг музыканта. Или музыкантов? Звучит так, будто она играет не одна. Неужели у нее есть друзья? Где же тогда они были прошлой

ночью?

А если она узнает меня и натравит их?

Но я же ничего ей не сделал.

Ее дружки тоже вряд ли что-то мне сделают, решил он. Вокруг полно народу.

Подойдя к толпе, он стал искать в ней лазейку.

Пробравшись наконец немного вперед, Джереми увидел, что она играет в одиночку.

Что это? Боевой гимн республиканцев? А потом он превратился в «Дикси». А потом – в «Когда Джонни вернулся домой». Три песни, казалось, перетекали из одной в другую, сливаясь в единую мелодию.

Хороша, стерва.

И на мордаху тоже. Эдакая пацанка, но не без женственности. Руки оголены, рубашка с обрезанными рукавами слегка расстегнута, открывая ленточку на груди.

Последний аккорд – и песня закончилась. Публика хлопала и кричала. Многие вышли вперед, чтобы бросить деньги в чехол от банджо. Джереми приготовился пригнуться, если девушка глянет в его сторону, но она устремила взгляд вниз.

Как только она снова подняла голову, он юркнул за ближайшего высокого мужчину.

– Эту песню я сочинила сама, – объявила девушка. – Можете считать ее антивоенной... а можете и нет.

Она заиграла. Расслабившись, Джереми стоял и смотрел на нее. Она же смотрела прямо перед собой, как и во время

исполнения предыдущей композиции.

Не выпуская банджо из рук и продолжая играть, она запела:

Это – величайший пир
Из всех, что видел целый мир.
Костры горят по всей стране,
И вся страна горит в огне.

Тут есть горячий лимонад,
Тут есть картошка-фри,

Рассыпчатые пироги —
Подходи, бери!

Арбузов нам не перечесать,
Конфетки из алтея,
Есть что выпить да поесть —
Эй, подходи смелее!

Давай хватай сосиску – и к нам скорей беги,
Но, ради Бога, булочки в духовке не сожги!

Экая гнусь, возмутился Джереми. Но большинству слушателей, судя по тому, как одобрительно они улыбались и хлопали в такт, песенка явно пришлась по душе.

Она продолжалась, но Джереми решил, что с него довольно. Он выбрался из толпы и пошел прочь.

Конченная сучка. Это ж надо – глумиться над ядерной войной! Он пожалел, что не выстоял против нее прошлой ночью. Дать бы ей по щам и швырнуть на землю.

Разорвать на ней рубашку.

Ну что, милая, мы больше не крутые, да?

Ну и как тебе это нравится?

Глядишь, после этого она сочинила бы песню о том, как прикольно, когда из тебя вышибают все дерьмо, а потом еще и насилуют.

Словно прочитав его мысли – а может, все было написано у него на лице, – проходившая мимо женщина-полицейский устремила на Джереми пристальный взгляд. С нею был мужчина. Оба одеты в белые рубашки, синие кепи и шорты. Если б не кобуры, Джереми ни за что бы не догадался, что перед ним копы.

Женщина кивала напарнику, который продолжал ей что-то рассказывать, а сама так и сверлила глазами Джереми.

Она что, ясновидящая?

Напустив на себя невинный и беззаботный вид, он отвернулся.

Она хочет остановить меня, подумал он.

Лицо горело. Сердце колотилось. Он чувствовал, как все тело охватывает дрожь.

Я же ничего не сделал!

Она прошла мимо.

Он выдохнул.

Выждав несколько секунд, оглянулся через плечо. Теперь она смотрела на своего напарника.

Сука тупая, подумал Джереми. Чего она так на меня уставилась?

Впрочем, для полицейской она выглядит очень даже ничего. И похожа на Таню. Из-под кепи спадают золотистые волосы. Широкая спина, ноги сильные и загорелые.

А если она ее старшая сестра? Или мать?

Мать? Да быть не может!

Слишком молодо выглядит.

Он разглядел проступающие сквозь ее рубашку бретельки лифчика, опустил глаза и вперился взглядом в покачивающиеся при ходьбе ягодицы, обтянутые синими шортами.

Кто-то прошел мимо, закрыв Джереми обзор.

Он сдвинулся чуть в сторону, стараясь увидеть женщину снова, но без толку.

– Эй, амиго!

Он с улыбкой обернулся:

– Слышь, мужик, ты каждый раз подкрадываешься незаметно.

– Залюбовался служительницей закона?

– Задница у нее что надо, – сказал Джереми и пошел по променаду рядом с Ковбоем.

– И остальное не хуже, Герцогище.

– Ты ее знаешь?

– Офицер Делейни. Вроде нормальная. Она патрулирует

променад всего пару недель.

– Она настоящий полицейский? – спросил Джереми. – Или что-то вроде охранника?

– Настоящее не бывает. Это же общественный парк. Охраняется ПУББ, не какой-то там частной охранной лавочкой.

– И даже ночных сторожей нет?

– Не-а. Только полиция. И нам это на руку. Если видим патрульную машину, тупо сваливаем. Да и бывает такое нечасто. Ты же знаешь копов, они не вылазят из магазинов с пончиками.

– Выходит, никто из вас ни разу не попадался?

– Копы даже ни разу не засекали нас, – сказал Ковбой. – Эй, ты ж только глянь. – Он остановился и кивнул направо, в сторону огороженной площадки напротив карусели. Из ворот вывалились парень с девушкой; девица повисла на руке своего дружка, словно ноги ее не держали. Джереми прикинул, что лет им примерно по двадцать. На девушке были синие джинсовые шорты, обрезанные так высоко, что открывали ноги практически целиком. Вдобавок, вырезы на бедрах доходили чуть ли не до пояса. Футболка тоже была наполовину обрезана и едва прикрывала грудь.

Видок у нее был весьма крутой. Обесцвеченные белые волосы торчат во все стороны, в ушах серьги из красных перьев, на губах серебристая помада. Девица энергично жевала жвачку.

Ее дружок выглядел и того круче. Одет в мотоциклетные

бутсы и потрепанные джинсы. На поясе нож в кожаном чехле. Футболки на нем не было, торс был загорелым и мускулистым, на груди красовалась татуировка – змея, обвивающая кинжал, а на мочке уха болталось что-то вроде миниатюрных наручников.

Они остановились у ворот и обернулись, поджидая другую пару.

Парень, которого они ждали, был жилистый и низкорослый, с фиолетовым ирокезом. Он тоже был обнажен по пояс и носил кожаные штаны. Джереми не заметил у него татуировок, зато на поясе так же, как и у первого, висел нож.

Голова его спутницы была обрита наголо, а тонкие черные брови напомнили Джереми императора Минга Беспощадного¹². Сквозь тонкую майку просвечивали соски, похожие на большие темные монеты. Для такого худосочного тела ее грудь казалась слишком большой и покачивалась при каждом шаге. Помимо футболки, на девушке были черная кожаная мини-юбка и сапоги до колен.

– Ради таких девах я в лепешку расшибусь и на двухъярусную койку раскошелюсь, – изрек Ковбой, продвигаясь в их сторону.

– Держу пари, они кусаются.

– О да, детка, куси меня. – Ковбой подошел к компании почти вплотную, держась сзади. – Как тебе лысая? – Джере-

¹² *Минг Беспощадный* – главный антагонист серии комиксов «Флэш Гордон» и их экранизаций. (Прим. редактора.)

ми захотелось предупредить его, чтобы он говорил потише. – Детка-конфетка...

– Ты что, они услышат.

– А мы им заднюшки намнем. Фить-фить-фить!

Группа свернула влево, Ковбой поспешил за ними. Они остановились перед павильоном, который назывался «Музей Диковин Джаспера». Стоявший на платформе костлявый старик в цилиндре хитро поглядывал на них сверху.

– Народ, мимо не проходите, а заходите и смотрите! В музее Джаспера чудеса невиданные, неслыханные. Не упустите случая, загляните: двухголовый младенец, лысый орангутанг с острова Борнео, настоящая мумия Рам-Хо-Тепа, и много других таинственных и загадочных диковин ждут вас. Да, господа, направо, сюда. И леди с собой возьмите. От страха будут содрогаться, к вам теснее прижиматься. Народ, мимо не проходите, а заходите и смотрите. Всего по три билета на рожу, на «Урагане» прокатиться дороже. Смотрите диковину ту и эту, ваш покорный слуга собирал их по всему белу свету. Джаспер, великий путешественник, много чудес повидал и под одной крышей бережно собирал. Народ, мимо не проходите, а заходите и смотрите!

– Держу пари, полное фуффло, – сказал Ирокез своим приятелям достаточно громко, чтобы Джаспер слышал каждое слово. На это старик лишь усмехнулся, продемонстрировав отсутствие переднего зуба. – Был я раз на шоу уродов, так там только стремные фотки были какие-то.

– Заверяю вас, – произнес Джаспер, – все мои экспонаты подлинные. Раньше, когда ваш покорный слуга еще имел собственное шоу уродов, все экспонаты присутствовали во плоти, и безобразный вид их превзошел бы все ваши ожидания. К сожалению, по требованию властей мне пришлось закрыть шоу уродов, но память о них сохранилась в Музее Диковин. Эту невероятную коллекцию фотографий вы можете увидеть на входе в мой павильон.

– Ну а я что говорил, – кивнул Ирокез. – Сраные фотки.

– Вы глубоко заблуждаетесь, молодой человек. В Музее Джаспера собраны не только фотографии, но и самые настоящие экспонаты, которые вы можете посмотреть, а если наберетесь смелости, то даже потрогать.

– Че, заглянем? – предложил татуированный и обратился к своей подруге: – Че скажешь?

Та пожала плечами, отчего ее обрезанная футболка приподнялась, и Джереми успел разглядеть краешек ее груди.

– Я не прочь, – сказала она. Голос у нее был грудной, с легкой хрипотцой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.